

лья ЭРЕНБУРГ

Р 175634

ВАСИЛИСК

ОРИЗ · ГОСЛИТИЗДАТ · 1942

ИЛЬЯ ЭРЕНБУРГ

ВАСИЛИСК

ОГИЗ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1942

СОДЕРЖАНИЕ

Васпитиск	3
«СС»	5
Фабрика убийц	8
Бескорыстные взломщики	12
Идеалы Фрица В.бера	14
Хуже зверей	15
«Сентиментальные туристы»	16
Когда они обезоружены	18
Пожаловал барин	20
Два года	21
Развороченное логово	26
Уроки русского языка	27
Волк в чепчике	29
Мы им припомним!	30
Выстоять!	31
Нет тыла	34
Киев	35
Не допустим!	37
Мы выстоим!	38
Жизнь или смерть	40
Испытание	41
Огонь по немецким оккупантам!	43
Еыгоним!	45
Шелк и вши	47
Обер-могилящик	48
Близится час	51
Солнцеворот	52
Вторая война	55
Черная душа	57
Живые тени	60
Смерть предателям!	61
Немецкое рождество	62
Весна в январе	64

Редактор *А. Савельева*.

Подписано в печати 3 VI 1942 г. ЕО16954. 41, печ. л. 4,6 уч.-авт. л.
Тираж 50 000. Цена 1 руб.

Типография и г. Миги треста «Полиграфнига», ОГП 1, г. Куйбышев,
ул. Венцева, 60. Заказ № 114.

В А С И Л И С К

Наши летчики везут немцам гостинцы. Иногда они берут не бомбы, а листовки. В листовках мы говорим немецкому народу: погляди, чем ты был и чем стал. Ты был народом Канта и Гете, Маркса и Гейне. Ты стал солдатом шулера Геббельса, бандита Геринга, сутенера Хорста Весселя. Ты был усидчивым тружеником и философом. Ты стал кочевником и убийцей. До Гитлера ты строил больницы и школы, заводы и музеи. С Гитлером ты разрушил Роттердам и Варшаву, Орлеан и Белград.

Тебе лгут, и ты лжешь: ты повторяешь ложь твоих господ. Тебе дают клейкую жижу из опилок и говорят, что это мед. Ты морщишься, но ешь. Тебе разрешают случаться, как племенному быку, и говорят, что это—любовь. Ты работаешь и ты умираешь ради магнатов Рура, ради прусских помещиков, ради банды хапунов. Тебя уверяют, что это — «социализм». Ты самодовольно пыхтишь и повторяешь на всех перекрестках Европы: «Я — национал-социалист».

Спроси господ Феглера и Круппа, сколько они заработали на войне. Химический трест «IG» с начала войны увеличил выпуск акций на сорок три миллиона. Трест «АЕГ» увеличил свой капитал на сорок миллионов. Два миллиона убитых или покалеченных немцев — с каждого убитого, с каждого покалеченного акционеры «IG» или «АЕГ» получили по двадцати марок чистоганом. Спроси Геринга, сколько он заработал на народном горе. Он не ответит. Но финансовый инспектор Бразилии ответил за него: у Геринга в бразильском банке миллион двести пятьдесят тысяч долларов. Ты думаешь, что ты воевал во Франции, чтобы освободить эльзасцев? Нет, ты воевал потому, что концерну Рехлинга нужны были заводы и копи Франции. Ты думаешь, что ты захватил Чехословакию, чтобы спасти судетов? Нет, Германскому и Дрезденскому банкам захотелось присвоить банки Чехословакии.

Каждый день в Германии умирают от голода дети. Картофельная кожура стала основой питания. Работницам снятся булки. Они не смеют и во сне мечтать о масле. Но каждый день магнаты Рура переводят в Бразилию и Аргентину награбленные миллионы. Роскошно живут Круппы и Феглеры. Геринг тратит на своих охотничьих собак сотни тысяч марок. Его ко-

бебя едят лучше, чем немецкие рабочие. Ты называешь это «социализмом»? Глупец, ты повторяешь чужую ложь. Ты был народом-диалектиком. Ты стал солдатом-попугаем.

У немецких помещиков огромные поместья. На них работают тысячи батраков. Фельдмаршал фон Браухич называет себя скромно «хуторянином». У этого хуторянина три тысячи га пахотной земли. Его батраки едят пустую похлебку и спят в нетопленных бараках. Таков «социализм» Гитлера.

Немецкие капиталисты хотят овладеть нефтью Баку, пшеницей Украины, нашим марганцем, нашей сталью, нашим лесом. Они говорят тебе: «это — крестовый поход». Значок свастики, похожий на спину паука, они называют «крестом», разбойный набег — «крестовым походом». Они лгут, и они научили тебя лгать. Им нужна бакинская нефть. Твоим офицерам хочется получить по сто га нашего чернозема или должность гаулейтера в России: они воюют, чтобы грабить. Да и ты к нам пришел с мешком для добычи. стыдно читать письма немецких женщин. Все они просят своих мужей прислать им меховые манто, чулки или украинское сало. Они стали соучастницами гигантского грабежа. Ты говоришь после этого о рыцарстве гитлеровской Германии? Лучше молчи!

Ты говоришь о «новом порядке» в Европе. Спроси, что думают о тебе французы и поляки, норвежцы и сербы. Тебя повсюду ненавидят. Ты стал пугалом народов.

Ты говоришь о культуре, но ты погрузил свою страну, а потом захваченную тобой Европу в ночь. Ты воскресил пытки средневековья. Ты несешь народам кнут и виселицу.

Ты не хочешь знать, кто ты. Но ты должен это знать. Ты должен понять, что ты слышишь ложь, говоришь ложь, ешь ложь и ложью дышишь. Сосчитай, сколько твоих знакомых уже убиты в России. Пока ты еще можешь их сосчитать. Потом тебе придется считать уцелевших. Кто соиздатель братских могил на полях Белоруссии и Украины? Твои господа. Посмотри — кругом тебя — развалины. Что стало с Кельном? с Гамбургом? с Дюссельдорфом? Как выглядит главная улица Берлина — Унтер ден Линден? Если ты не научился понимать человеческие слова, слушай язык фугасок. Почему разрушаются немецкие города? Потому что Гитлер — это война, потому что Гитлер послал своих летчиков на Лондон и на Ковентри, на Москву и на Ленинград. Ты получаешь за разрушенные дома. Ты получаешь за пролитую кровь. Ты получил до сих пор только задаток. Но ты получишь все сполна.

Вот что говорят наши листовки немецким солдатам.

В древности люди считали, что существует мифический зверь василиск. По описанию Плиния, василиск ужасен. Когда

он глядит на траву, трава вянет. Когда он заползает в лес, умирают птицы. Глаза василиска несут смерть. Но Плиний говорит, что есть средство против василиска: подвести его к зеркалу. Гад не может выдержать своего собственного вида и околеваает.

Фашизм это василиск. Он несет смерть. Он не хочет взглянуть на самого себя. Германия боится зеркала: она завешивает его балаганным тряпьем. Она предпочитает портреты чужих предков. Но мы ее загоним к зеркалу. Мы заставим немецких фашистов взглянуть на самих себя. Тогда они сдохнут, как василиск.

Кидайте бомбы, товарищи летчики! Кидайте и листовки... Гитлеровцы не уйдут от фугасок. Они не уйдут и от зеркала.

Сентябрь 1941

«С С»

Гвардия изверга Гитлера называется коротко, но выразительно: «СС». Это сокращение «Schutz Staffeln» — «охранные отряды».

В 1929 году Гитлер назначил своего верного сподручного Гиммлера начальником «СС». Гиммлер известен в Германии как тупой садист. Это изобретатель пыток. Кто мог лучше Гиммлера командовать «СС»? И Гиммлер отдал первый приказ гитлеровской гвардии: «Мы твердо убеждены, что только чистокровные немцы способны к плодотворной работе». Легко догадаться, что называет палач Гиммлер «плодотворной работой». «СС» стали тюремщиками в концлагерях, карательными отрядами в покоренных странах, присяжными усмирителями французов и поляков, норвежцев и сербов.

«СС» должен быть породистым. От него требуется, как от хорошего жеребца, родословная. Рядовой «СС» должен называть всех своих предков вплоть до 1800 года, а командир вплоть до 1750 года.

По замыслу Гитлера, «СС» — это не только войсковые единицы, это особая порода, которая должна плодиться и множиться. «СС» — это и государство в государстве и племя среди племен. «СС» не должны смешиваться с прочими смертными. В 1931 году Гиммлер издал приказ, регулирующий размножение «СС». Вот текст этого документа:

1. «СС» представляют собой избранное объединение немецких мужчин северного склада, подобранных по определенным признакам.

2. В соответствии с национал-социалистским мировоззре-

нием и в убеждении, что будущее нашего народа зависит от отбора расы, я приказываю с 1 января 1932 г. ввести для «СС» обязательное разрешение на брак.

3. Этим я преследую цель сохранить наследственно здоровый и ценный приплод истинно немецких людей.

4. Разрешение на брак дается или не дается исключительно по признакам чистоты расы.

5. «СС», который намерен жениться, обязан получить разрешение на брак от верховного руководства «СС».

6. Расовый отдел ведет родословную книгу «СС», в которую вписываются все члены семьи «СС».

Итак «СС» — это особая раса — самая густопсовая, это сверхгерманцы, это полубоги, призванные править вселенной.

Первой задачей породистых «СС» является охрана особы Адольфа Гитлера. Личная гвардия припадочного тирольского ефрейтора отбирается из самых отборных «СС». Телохранители Гитлера образуют особый полк. На рукавах этих молодчиков значится «Адольф Гитлер», под надписью — череп и две кости. В личную гвардию Гитлера принимаются экземпляры от семнадцати до двадцати двух лет, ростом не ниже одного метра восьмидесяти сантиметров.

В мирное время «СС» были доверены концлагеря. Заключенных сторожили «отряды смерти». Эти «СС» также носят на рукавах череп и две кости. «СС» служат в «отрядах смерти» двенадцать лет. Другие «СС» образуют различные полки. В настоящее время имеется триста тысяч «СС». Они составляют четырнадцать дивизий.

Когда немецкому фашисту исполняется семнадцать лет, он подвергается тщательному осмотру. Меряют его череп, изучают нос, проверяют предков. Всем этим занимаются фашистские «медики». Потом профессора из гестапо изучают мысли и чувства семнадцатилетнего кретина. Он должен не думать — это столь же важно, как хорошая родословная. Кроме того, он должен быть существом, лишенным совести, — этого требует от «СС» Гитлер:

«Я освобожу человека от уродливой химеры, которая называется совестью».

«Совесть, как образование, калечит человека».

«Мы должны быть жестокими со спокойной совестью — время благородных чувств миновало».

Если семнадцатилетний гитлеровец отвечает всем требованиям, его берут в отряд «СС». Два года он проходит военную подготовку, потом два года служит в армии. Наконец, он становится действительным «СС» и получает право на ношение особого кинжала.

По плану Гитлера «СС» должны образовать немецкое дворянство в захваченных странах. Для этого организовано «бюро оседлости» — оно дает поместья особенно ценным «СС». Это «бюро оседлости» работает совместно с министром земледелия Дарре. Последний, говоря о расселении «СС» в славянских странах, сказал: «Новый немецкий народ-властитель будет иметь своих рабов. Эти рабы будут его собственностью. Не относитесь к слову «раб», как к какой-то притче. Мы действительно создадим новую форму рабства, которая будет нами введена в жизнь».

С начала европейской войны «СС» были ударными группами. Их дивизии моторизованы. Они должны сеять панику. В оккупированных странах они выполняют функции полиции: устраивают обыски, допрашивают, пытаются, расстреливают. В Париже, завидев гитлеровца с черепом на рукаве, прохожие убегают в подворотни — идет смерть!..

Для Гитлера немецкий народ — это снятое молоко. «СС» — это сливки, это питомник нового народа — сверхнемецев. Путем проверенного размножения Гитлер надеется создать идеальную расу — высоких, светловолосых людей, лишенных мысли и совести, готовых на любое преступление. Это новое племя «СС» будет владеть миром.

Таковы мечты Гитлера. Он послал на нас свою армию. Впереди идут его верные псы — «СС». Что же, породистых убийц, чистокровных палачей встретили русские пули. Сумасшедший ефрейтор думал, что русский народ станет рабом каких-то гнусных «СС». Хорошая у них кличка: для русского уха она кое-что значит. Подходящая у них форма — череп и две кости. Советские люди не боятся смерти. Они смело идут ей навстречу, чтобы восторжествовала жизнь, чтобы их дети жили высокой, достойной человека жизнью. А что выбрали эти «СС»? Череп. Они хотят убивать, чтобы убивать. Это жуки-могильщики, хорьки, вурдалаки.

Вот шагают пленные по дороге. Впереди «СС» — на черных эполетах инициалы Гитлера, на рукаве череп. Этот телохранитель фюрера поднял руки, увидев советские танки. Я сказал бы, что на его совести кровь сотен поляков — год он бесчинствовал в Люблине. Но ведь у него нет совести: Гитлер совесть отменил. «СС» шагает и вдруг пугливо лопочет: «У меня отец рабочий, честное слово»... Он не знает других доводов. Он привык к одному: к родословной. Он может сказать, что его прадед был лесничим. Но он не знает простых человеческих чувств. Когда польские дети кричали: «Не убивай! Это наш отец», — он пожимал плечами... Ведь у поляков нет родословной. «СС» — страшные, низкие существа. Их долго подбирали,

натаскивали, потом пустили на нас. Вот этого поймали. Очередь за другими. Их было триста тысяч. Сто тысяч наверно уже перебили. Нужно перебить остальных. Нужно очистить землю от этих выродков. Теперь мы знаем:

«СС»?

— Товарищ, не промахнись!

Август 1941

ФАБРИКА УБИЙЦ

Разговаривая с пленными гитлеровцами, читая их дневники и письма, спрашиваешь себя: откуда взялись эти существа, невежественные и жестокие? Нужно заглянуть в гитлерию, чтобы понять, как организовано серийное производство убийц.

Гитлер уничтожил любовь, брак, семью. Человеческое общество он превратил в скотный двор, в случной пункт.

Лейпцигский профессор Эрнст Бергманн в книге «Познание и материнство» пишет: «Моногамия — извращение, и она ведет к порче расы. К счастью, у нас достаточно парней с доброй волей и хорошо приспособленных. А один парень может оплодотворить двадцать девушек». Это написано не на заборе, и герр Бергманн считается в гитлери «ученым».

Министр земледелия Дарре делит женщин на четыре категории, как производительниц. Первая категория — самые породистые женщины, их брак надлежит поощрять денежными субсидиями. Вторая категория — самки-средняки. Женщин третьей категории министр предлагает стерилизовать. Наконец, женщинам четвертой категории запрещается вступать в брак.

Газета «Фелькишер беобахтер» пишет:

«Наши крестьяне понимали, что такое чистота расы. Если мы справедливо гордимся прусскими коровами, которые во многих отношениях выше фионских и герефордских коров, то никто из нас не станет гордиться Марксом, Гейне или ублюдком Эйнштейном. Думая о продолжении расы, мы должны вдохновляться опытом наших крестьян».

Говоря иначе, гитлеровцы должны размножаться, как коровы прусские или герефордские...

Надо сказать, что немцам, за исключением «СС» («один парень на двадцать девушек»), не очень-то нравится скотоводческий пафос Гитлера. В ноябре 1940 года войсковой отдел при генеральном штабе германской армии издал инструкцию для всех ротных командиров, озаглавленную «Очень мало детей». В этой инструкции мы находим сетования:

«Какая польза нам от приближающейся победы, если в один прекрасный день мы не сможем сохранить и защитить наше государство. Нам не нужен большой дом без детей».

Далее инструкция приводит цифры:

«В 1910 г. на 6,4 миллиона молодых здоровых семей приходилось 1,8 миллиона рождений, а в 1939 г. на 8,6 миллиона только 865 тысяч рождений».

Особенно огорчает авторов инструкции плодовитость славян. Они указывают, что в начале девятнадцатого века в Европе было 32% германцев и 35% славян, а теперь — 30% германцев и 46% славян.

Наконец, инструкция раскрывает, зачем именно немцы должны плодиться и множиться:

«Каждый родившийся в 1941 г. здоровый мальчик может стать в 1961 г. прилежным солдатом. Каждая родившаяся в 1941 г. девочка может через двадцать лет стать прилежной домашней хозяйкой и матерью».

Хозяева фабрики убийц не скрывают своих намерений — они озабочены тем, кто будет убивать и грабить в 1961 г. Но, видимо, немцам не очень-то хочется рожать детей на убой, и даже среди парней, тех, что один на двадцать девушек, имеются «прогульщики».

Регламентация браков, скотский подход к чувствам людей исказил всю психику немецкого народа. Гитлер сделал цинизм и развращенность общеобязательными явлениями. Передо мной «карточки на поцелуй», отпечатанные в Германии и посылаемые солдатам для развлечения. Талоны на пять поцелуев, как на пять граммов жиров... Эти юмористические карточки показывают, до чего изменилась психика людей под влиянием фашистских скотоводов.

Все дети в Германии принадлежат Гитлеру. В десять лет мальчики и девочки приносят присягу:

«Перед лицом господ бога обещаю беспрекословно повиноваться фюреру».

Гитлер сказал 1 мая 1937 г.:

«Среди нас все еще имеются старомодные люди, ни на что непригодные. Они путаются у нас в ногах, как собаки или кошки. Но это нас не беспокоит. Мы заберем у них детей. Последние будут соответственно обучены, мы не позволим им стать на старый путь мышления. Мы будем брать их в возрасте десяти лет и к восемнадцати приведем им наш дух. Они нас не избегнут. Они вступят в партию, в «СА», в «СС».

В десять лет родители должны сдавать своих детей людоеду. За утайку ребенка полагается штраф или тюрьма. В феврале 1941 г. министр просвещения Рист и фюрер «гитлеровской

молодежи» Аксмани подписали «соглашение». Согласно этому соглашению дети с 8 часов до 2 часов находятся в школе. Все остальное время принадлежит «гитлеровской молодежи». В тексте сказано: «гитлеровское время священо».

Учителя привлекаются к ответственности, если они экскурсиями или заданными на дом уроками затрагивают «гитлеровское время». Все субботы целиком принадлежат Гитлеру. Два воскресенья в месяц отданы родителям, два других — собственность Гитлера. Таким образом, дети — это малолетние рабы. Они работают, маршируют и привыкают не думать.

Впрочем, и в школе царит «гитлеровское время». В анкетах при назначении учителей имеются четыре пункта:

«1. Наследственные предрасположения и общая расовая картина.

2. Политические убеждения.

3. Физические возможности.

4. Познания».

Знает ли учитель математики математику, или нет, — это последнее дело. Важнее «общая расовая картина» и «физические возможности».

Профессор Ленард в предисловии к учебнику «Немецкой физики» пишет:

«Это чисто арийская физика. Наука создается расой и определяется чистотой крови».

Профессор Эрвин Гек в «Вестнике национал-социалистского воспитания» говорит:

«Математика — это проявление северного арийского духа, его воли к господству над миром».

Детям с ранних лет говорят:

«Война самое веселое дело», «Вырастешь — убьешь сто врагов», «Фюрер любит тебя и войну».

Последнее изречение очаровательно: заранее приучают пушечное мясо к мысли, что людоед обожает человечину.

За два года до войны министерство просвещения рекомендовало для школ книгу Виткопа «Военные письма», как подготовляющую к грядущим событиям. Вот как представляется война в книге Виткопа:

«В нас очень мало стреляют. Мы сидим в блиндаже. Здесь очень уютно. Мы курим, много едим и развлекаемся»...

Маленькие дети поют песенку. Вот ее дословный перевод:

Если весь мир будет лежать в развалинах,
К чорту, нам на это наплевать!
Мы все равно будем маршировать дальше,
Потому что сегодня нам принадлежит
Германия, завтра — весь мир.

Это младенческий лепет гитлерии.

По статуту, опубликованному в 1936 г., в «гитлеровской молодежи» имеется своя аристократия «Stamm-Hitler-Jugend» — «коренная гитлеровская молодежь». Это отборные экземпляры, будущие «СС». Эти молодчики имеют право наказывать других детей, они также должны доносить на родителей и на учителей. «Коренные» натаскиваются на ремесло шпиков и палачей.

В своей книжке «Майн кампф» Гитлер говорит:

«Нужно воспитывать каждого так, чтобы он чувствовал свое превосходство над другими».

Человеческая солидарность, чувство товарищества, скромность изгнаны из гитлерии.

Моральные принципы «гитлеровской молодежи» выражены в словах Гитлера:

«Мы вырастим молодежь, перед которой содрогнется мир, молодежь резкую, требовательную и жестокую. Я так хочу. Я хчу, чтобы она походила на молодых диких зверей».

Гитлер заменил любовь расовым совокуплением. Вместо брака он преподнес немкам «одного парня на двадцать девушек», Он уничтожил семью, забрав себе детей. Он отдал школу на разгром. На место учителей сели тупые, кровожадные ефрейторы. Изображая из себя захолустного нищеанца, Гитлер провозгласил «новую мораль» — культ грабежа, пыток, убийства. Этим людям трудно оскорбить — они сами называют себя жестокими и бессовестными.

И вот в 1941 году «СС» двинулись на нас. Они, наверно, еще помнили школьные уроки.

Им говорили: «В нас мало стреляют».

Они обомлели, услышав голос русских бомб и гранат.

Они пришли к нам с «карточками на поцелуй» и с изрядным аппетитом. Их встретили свинцом. И они сразу повесили нос.

Когда их берут в плен, они хнычут: «Мы этого не хотели». Когда на них идут наши танки, они убегают, бросая и своих командиров, и секретные документы.

Молодые звери тоже бывают разными: есть молодые львы и есть молодые шакалы. Гитлеровцы трусливы, как шакалы. Их воспитали требовательными, но не смелыми, жестокими, но не мужественными.

Гитлер озабочен — будет ли у него достаточно солдат в 1961 году. Он не скрывает от своих офицеров, что его мечта — воевать и через двадцать лет, вечно воевать. Но на всякого буйно помешанного находится управа. Наши бойцы готовят хорошую смирительную рубаху этому людоеду. В 1961 г. люди будут с изумлением читать о нашем времени. Они спросят: как могло

человечество терпеть столько лет преступника Гитлера? И, дойдя до страницы, на которой будет рассказано о конце гитлерии, наши дети с благоговением подумают о героизме красноармейцев, положивших конец бесстыдному и бессовестному фашизму.

Август 1941

БЕСКОРЫСТНЫЕ ВЗЛОМЩИКИ

Доктор Геббельс заявил: «Против русских дикарей сражаются цивилизованные германцы, бескорыстные крестоносцы, солдаты чести, свободные и дисциплинированные».

Вот как рисует этих «солдат чести» командир 79-й германской дивизии, правда, не в газетной статье, но в приказе, на котором стоит «секретно»:

«Ефрейтор 208-го пехотного полка Мюнх в течение продолжительного времени занимался взломом дверей и шкапов во французских домах, кражей белья и носильных вещей.

Солдат 208-го пехотного полка Кауфман потребовал от французского трактирщика, чтобы француз доставил ему девушку для половых сношений. Когда тот отказался, он угрожал ему заряженным пистолетом. Семидесятитрехлетнюю женщину, к которой Кауфман обратился с подобным требованием, он ударил пистолетом по голове.

Ефрейтор 179-го артиллерийского полка Крамер подделал удостоверение германской комендатуры города Сан-Дизье, которое дало ему право купить шубу.

Солдат 226-го пехотного полка Вальтер изнасиловал одиннадцатилетнюю французскую девочку».

Этот список можно было бы продолжить — в приказе перечислены тридцать наиболее отличившихся гитлеровцев.

«Бескорыстный крестоносец» взламывал шкапы. «Солдат чести» насиловал девочек. «Цивилизованный германец» бил старуху пистолетом по голове.

Генерал фон Браухич в приказе, снабженном той же роковой пометкой «секретно» скромно рассказывает о жизни своих подчиненных:

«Военнослужащие всех рангов на улицах встречаются с женщинами, по всей видимости проститутками, показываются с ними в общественных местах. Несмотря на запрещение, солдаты берут в машины особ женского пола, которые явно не имеют германского подданства.

Пение и крики, вызванные чрезмерным употреблением спирт-

ных напитков, вредят облику германской армии. В гостиницах, где проживают господа офицеры, устраиваются оргии с участием проституток.

Возле домов терпимости стоят военные грузовики. Имел место случай, когда офицер, состоящий в высоком чине, был найден возле дома терпимости в бесчувственно пьяном состоянии».

Так рисует германскую армию генерал фон Браухич. «Крестonosцы» в публичных домах пьянствуют и безобразничают. «Дисциплинированные солдаты» горланят и скандалят с уличными девками.

Вот, наконец, третий эксперт — командующий 18-й дивизией. Он рассказывает о храбрости и дисциплинированности германских солдат:

«Солдаты не отдают чести. Они небрежно одеты, лишены выправки, мало походят на солдат.

Я запрещаю военнослужащим закупать продукты и носильные вещи для перепродажи. Я не могу допустить, чтобы машины были набиты женскими вещами.

Я отдал под суд ефрейтора Кранца и солдата Галлера за увечья, сознательно причиненные себе с надеждой освободиться от военной службы. Ефрейтор Кранц заявил, что он предпочитает позорящий его приговор боевому посту...

Участились случаи дезертирства. Я буду беспощадно карать малодушных, сеющих панику и отчаяние. В русском походе мы должны быть вдвойне бдительными и стойкими».

Нужно ли говорить, что и на этом документе значится «секретно»? Но шила в мешке на утайшь — не выдать самострелов за храбрецов и дезертиров не вырядить героями.

Почему это происходит? Почему «СС», еще недавно кричавшие «в Москву!», теперь шлют своим «невестам» меланхолические письма? Почему на второй месяц войны против нас немецкие солдаты уже ведут дневники, полные отчаяния, похожие на страницы знаменитого романа Ремарка? Почему пойманные диверсанты вдруг падают на колени и хнычут, вымаливая жизнь?

Грабители и насильники никогда не бывают смелыми. Гитлеровскую молодежь воспитали на культе кулака, палки, плетки. Распущенные мальчишки участвовали в погромах, забирали «неарийские» шубы и часы. Они пытались в концлагерях поляков. Они издевались над безоружными чехами. Они пошли на войну, как на базар — с мешками для провизии. Они шли грабить и насиловать. Их послужные списки — перечни разграбленных магазинов и обесчещенных женщин. Им неслыханно повезло — Европа оказалась беспризорной. Париж плохо лежал, и гитлеровцы расхватили его по кускам. Они

пьянствовали, грабили, и все это оставалось безнаказанным.

Настал час проверки. Палачи и шпики не выдержали экзамена. Человек, привыкший унижать другого, прежде всего труслив — он знает, что и его могут унижить. Он либо стоит с плеткой, либо подставляет плетке свой зад. Отвага наших бойцов рождена чувством достоинства, пониманием человеческой солидарности. Гитлеровцы вопили: «Да здравствует война!», а когда дело дошло до настоящей войны, они начали вздыхать. Еще двадцать разбитых германских дивизий, и все эти «СС» станут, чего доброго, пацифистами. Мы не упивались словом «война», но наши бойцы воюют просто, сурово и серьезно.

А в голове немецкого солдата смутно рождаются первые мысли. Вот письмо солдата Франца: «Анна, я не могу спать, хотя все тело болит от усталости. В сотый раз я спрашиваю себя — кто этого хотел?..» Солдата Франца убили — на листке бледное рыжее пятно. Но скоро другие Францы спросят: «Кто этого хотел?..» Может быть, Гитлер призовет тогда на помощь свою гвардию «СС» — убийц, воров, растлителей. Но «солдаты чести» предадут вчерашнего кумира. В записной книжке одного убитого «СС» я нашел среди записей о попойках и этапах следующий афоризм: «Вместе грабить, врозь умирать...»

Так начинает разлагаться гигантская шайка гангстеров. Еще громяхают танки. Еще лежит в них краденое добро. Но «солдаты чести» уже пугливо озираются по сторонам, как будто сейчас их схватят за шиворот...

Август 1941

ИДЕАЛЫ ФРИЦА ВЕБЕРА

Берлинская газета «Фелькишер беобахтер» пишет: «В сердце каждого солдата, воюющего против русских, пылают священные идеалы».

Вот дневник немецкого солдата Фрица Вебера.

«30 июня. Отдых в городе Дубно. Обмен белья из русской добычи.

7 июля. Организовал 2 курицы и переработал, к сожалению, не кончил.

11 июля. Реквизиции. Сегодня давали неохотно, но тотчас же и много.

12 июля. После обеда приказ против грабежей.

18 июля. Достали картофель.

22 июля. Заколот свинью и обработал.

25 июля. Походная кухня застряла в грязи. Поэтому реквизировали ужин.

26 июля. Колонна режет свинью. Первоклассное мясо и сало.

27 июля. Был поблизости при реквизиции.

28 июля. Целый день ничего не ел».

На этом заканчивается дневник. Два дня спустя бойцы Красной армии «обработали» Фрица Вебера.

Вот их священные идеалы — от картошки до свинины! Фриц Вебер не исключение, и если германское командование обеспокоено грабежами, это только потому, что немецкие генералы тоже не дураки, — они сами хотят «организовывать» кур и «обрабатывать» свиней.

У нас не столовая для этих бандитов. Фриц Вебер и многие сотни тысяч уже познакомились, чем оплачивается русская курятина. Очередь за следующими!

Сентябрь 1941

ХУЖЕ ЗВЕРЕЙ

22 июля возле города Оратова наши войска взяли в плен старшего ефрейтора Герда Шмидта. На следующий день пленный представил свой дневник. Там описаны различные эпизоды боевой жизни, — ефрейтор провоевал ровно месяц.

24 июня, находясь недалеко от границы, Герд Шмидт записал: «Видел русских пленных. Несимпатичная раса».

Дневник заканчивается следующей неожиданной записью: «Руки вверх, бросай оружие! Мы в русском плену. Удивительно хорошее обращение. «Товарищ»... Русские делятся с нами последним»...

Для неудачливого мародера русские сразу стали «симпатичной расой» — накормили его. Мы знаем, что русский народ — благородный народ. Красноармеец, видно, принял хитрого ефрейтора за обманутого горемыку. Герд Шмидт, тот, увидев русских пленных, не вздумал поделиться с ними хлебом. Нет, этот чванливый немец поглядел и написал: «Несимпатичная раса». Зря его русский назвал «товарищем»!..

Мы знали, как обращаются с пленными гитлеровцы: об этом рассказывали красноармейцы, вырвавшиеся из рук палачей. Но вот показание не жертв, а палача. Передо мной дневник ефрейтора Цохеля из Висбадена (пол. почта 22408). Цохель не страдает многословьем, лаконично он записывает: «На марше. У крестьян хлеб, молоко, масло»... «Привал в

Лахове. Вечером свиные котлеты и картофель»... «Ночью де-журство»...

Вот что записал ефрейтор Цохель из Висбадена 25 июля: «Темная ночь, звезд нет. Ночью пытаем русских».

Деловито, спокойно, тем же почерком, что и записи о свиных котлетах...

Три дня спустя палач писал: «Русские стреляют в нас из нор, это дикая подлость».

Караул! — в негодяя, который пытается пленных, русские выстрелили из окопа — разве это не зверство? Разве можно стрелять в герра Цохеля из Висбадена? Конечно, нет! А герр Цохель может пытаться ночью пленных—это его священное право.

Мы знали, что гитлеровцы—«несимпатичная раса». Но с каждым днем мы узнаем все о новых и новых преступлениях фашистов. Говорят: «звери». Нет, звери лучше. Звери не мучают для удовольствия. Звери не ведут дневников. Со зверей не взыщешь. Другое дело — ефрейтор из Висбадена, который аккуратно пытается человека, потом берет тетрадку и записывает: «Пытал»...

С облегчением я смотрю на последнюю страничку дневника Цохеля. 11 августа палач еще записал: «Разведка. Жарим картошку. Великолепно». 12 августа он снова пошел в разведку, и его застрелили. Благословляешь руку, державшую винтовку, — немного русского свинца, и земля очистилась еще от одного палача.

Сентябрь 1941

«СЕНТИМЕНТАЛЬНЫЕ ТУРИСТЫ»

Берлинская газета «Фелькишер беобахтер» в номере от 7 сентября 1941 года пишет:

«Немец и в военной форме является внимательнейшим, сентиментальнейшим туристом. Он хочет между боями наблюдать действительную жизнь живых людей с нормальными потребностями, наклонностями, ощущениями. Здесь же (в Советском Союзе) он ничего подобного не находит. Он видит здесь только советских людей. Большевицкие бойцы почти никогда не реагируют, как нормальные люди: они продолжают драться...»

Перед нами путевые заметки «сентиментальнейших туристов». Солдат Курт Фукс (1 рота. 512 пехотный полк. Домашний адрес Губен, Мюкенберг) наблюдает и записывает:

«7 июля. В 2 часа дня прибыли в город Мотоль. Много земля-

ники. На базарной площади расстреляли 50 женщин и детей».

14 июля. Рокитно. Вечером наказание семнадцатилетнего. Приговор: 25 ударов на базарной площади. Все глядели. Я иду налаживать дела. Результат — 60 яиц и сало».

Еще назидательней дневник старшего ефрейтора И. Рихтера (4 батальон, 40 пехотный полк, пол. почта 01797 Е). Это настоящий турист, даже курортник. Он у нас усердно загорал:

«28 июля. Спал до 8 часов. Принимаем солнечные ванны.

29 июля. Загораю утром на солнце. Потом сплю до обеда. В 16 часов прибыл полковой оркестр. Большое веселье. Слышим еще раз немецкие мелодии.

15 августа. В 8 часов просыпаюсь. Потом загораю».

«Курортники» нуждались в усиленном питании. Они интересовались не только солнечными ваннами, но и гастрономией:

«7 июля. Я и Матула обшарили квартал. Захватили добычу: 25 яиц и центнер сахара. Жрали сахар прямо из мешка руками.

22 июля. Гуго и Эмиль зарезали свинью. Десять человек ее съели. Были котлеты, жаркое и клецки. Женщин мы заставили убирать за нами.

24 июля. Сегодня снова организовали поход за продуктами. Испекли пирог с курятиной. Гуго и Эмиль достали свинью.

25 июля. Гофштетер сожрал все клецки. Эмиль, обожравшись, заболел».

Бедный турист Эмиль — так-таки заболел от русских харчей...

Ефрейтор Рихтер, этот «сентиментальнейший» немец, ненавидит своих соратников. Будучи «наблюдательнейшим», он отмечает одно: его коллеги воняют. Он записывает 30 июля: «Эмиль воняет, как хорь», 15 августа: «Все в палатке воняют». Его батальон несет страшные потери. Рихтер записывает 9 августа, что батальон больше не годен для военных действий: столько «туристов» перебито. Гибнут приятели Рихтера, но ему на них наплевать, как наплевать Матуле или Эмилю на Рихтера.

Берлинская газета пишет, что немцы жаждут у нас «наблюдать жизнь живых людей». Мы уже знаем, как солдат Курт Фукс «наблюдал» в Рокитино истязание подростка и в Мотоле убийство 50 женщин и детей. Ознакомимся с «наблюдениями» ефрейтора Рихтера:

«7 июля. Мы расстреляли 60 пленных у штаба.

19 июля. Гуго нашел в лесу партизана и повесил его».

Но нашим «туристам» и этого мало. Они хотят сенсационных переживаний. 6 июля старший ефрейтор Рихтер записал:

«Матула выкопал мертвеца на еврейском кладбище. Гофштетер очищает пальцами череп. Матула кладет его на пень и рубит топором. Я и парашютист достали 2 гусей. У меня сегодня день рождения».

Вот, что они называют «нормальными потребностями» — выкапывать трупы, отдирать мертвое тело от костей.

Миллионы молодых немцев натасканы на грабеж и на зверства. Им сказали, что война — веселый спорт: можно загорать на солнце, можно грабить, можно пытать людей, среди агонии жертв слушать немецкие мелодии, обжираться клецками вокруг виселицы, закусывать пытки земляникой.

Дневники солдата Фукса и ефрейтора Рихтера надо послать во все страны: пусть мир знает, что перед нами не солдаты, но извращенные насильники.

Записная книжка Курта Фукса замарана его кровью. Дневник Рихтера прострелен: пуля пробила не только тетрадь, но и презренное сердце вурдалака.

Берлинская газета возмущена, что наши бойцы плохо «реагируют». Они хотят, чтобы мы встречали бандитов, как челядь в берлинских гостиницах встречает знатных туристов. Но «Фелькишер беобахтер» правильно отметил: немцы нашли у нас «только советских людей». Холуев у нас нет и не будет. Солдат Фукс и ефрейтор Рихтер получили свое. Очередь за Матулой, за Гофштетером, за Гуго, за Эмилем, за тысячами насильников и палачей.

Сентябрь 1941

КОГДА ОНИ ОБЕЗОРУЖЕНЫ

Мертвый немец. Он упал навзничь, подбитый пулей. Мутные глаза как бы смотрят на чужое небо. Его бумажник несут в штаб. Что в этом бумажнике? Воинский билет, деньги и две фотографии. На одной — военный парад: убитый марширует. На другой — солдат с голыми ягодицами. Красноармейцы отвернулись: им стыдно за понятие человека. Вот что нес на сердце немецкий ефрейтор. Вот с чем он умер.

Кипы бумаг. Карманы каждого немецкого солдата — это целая канцелярия. С немецким педантизмом они ничего не выкидывают, все тащат на себе: письма от брошенных любовниц, старые почтовые марки, адреса публичных домов в Париже, письма от дядюшек и тетушек. У одного шестьдесят два письма от адвоката: он, будучи на фронте, разводился с женой. Другой был сутягой: судился с бывшей квартирной хозяйкой, с портным,

с какой-то старухой, которая назвала его «селезнем». У лейтенанта деловая переписка с болгарской фирмой: лейтенант был одновременно коммивояжером — поставлял портсигары из пластмассы. Коллекция порнографических открыток. Краденые вещи: золотой браслет, старинная табакерка с французской надписью, русский подстаканник, четыре пары дамских чулок. Да, правы красноармейцы — стыдно за землю, на которой родились эти люди. Как низко они жили! Как низко умерли!

Но вот и живые. Где их былая спесь? В парижских кафе они разговаривали иначе... Ефрейтор ревет: боится. Я чувствую если не жалость, то стесненность — неудобно, когда большой детина плачет. Но вот содержимое его карманов на столе. Похабная карточка. Четыреста советских рублей. Одна золотая серьга. Деньги он отобрал, а серьгу вырвал из уха. Другой пленный, всхлипывая, рассказывает, что у него жена, что жену зовут Эммой — идиллия. Но рядом с фотографией Эммы такая непристойная карточка, что красноармеец, покраснев, говорит мне: «Откуда люди такие?..»

Тощие волчата с глазами, тусклыми от голода, злобы, страха. Подошел один красноармеец — откормленный, краснощекый. Наши засмеялись: «Вот глядите на него. А еще претел!.. Куда вам!..» Наши бойцы не фашисты — они не расстреливают пленных. Но они и не размякают. Один сказал мне: «Видишь этого? Ему как захочется курнуть, выбегает, кричит: «Гитлер капут» — это он папиросы зарабатывает...»

Полдня я провел с этими зверьми. Летчик, кончивший гимназию, не знал имени Гейне, Шекспира, Толстого. Причем это был самый образованный экземпляр... Темные люди. По сравнению с ними кафры и зулусы — представители высокой культуры. Поразительна смесь наглости с трусостью. Только-только высохли слезы на глазах у труса ефрейтора, как он уже предьявляет претензии: почему его поместили с солдатами, почему у него отобрали финку? Один хам почтительно говорит часовому через переводчика: «Товарищ комиссар, я не фашист. Я всегда любил русских». Потом — своему товарищу (думал, что я не понимаю по-немецки): «Русские свиньи»... Я удивленно поглядел на него. Он сразу вытянулся, побелел и шепчет: «Я марксист». Презренные комедианты!

Ко мне подошел один немолодой фельдфебель и представил: «Йоган Шарг. Социал-демократ. Наборщик». Он долго мне рассказывал о своих расхождениях с Гитлером: «Я считаю политику фюрера опасной»... Он, видите ли, в тайной оппозиции, конечно, не в Германии, там он был шелковым, а здесь — в плену. Потом конфиденциально мне шепчет: «Мы с вами в некотором отношении коллеги. Я абсолютно не пригоден для физического

труда. Но я могу набирать и даже исправлять ваши немецкие статейки. Конечно, если меня поставят в хорошие условия».

Самый чистый экземпляр — ефрейтор Бекер — летчик. «Ариец», курчавые светлые волосы, низкий лоб, стеклянные выпуклые глаза. Он с восторгом рассказывает, как бомбил Лондон и Ковентри. Напрасно я пытаюсь пробить его слоновью шкуру. Напрасно спрашиваю «почему» и «зачем». Он отвечает: «Мое дело бомбить». Оживляется, вспомнив попойки в Антверпене. Война для него веселый спорт. Он говорит: «Благодаря войне я попутешествовал. Потом воевать куда приятней, чем сидеть на месте и работать... Грабил. Насиловал. Пьянствовал. Убивал. Я спрашиваю: «Почему вы воюете?» Он морщит лоб, явно вспоминает газетную фразу и, наконец, выпаливает: «Нам нужно жизненное пространство». И добавляет, показывая на деревья (разговор происходит в Брянском лесу): «Здесь много пустого пространства...»

Хорошо бы посадить такого ефрейтора в зоологический сад. Можно повесить дощечку: «Так называемый ариец». Можно добавить по-ученому: «*Homo sapiens*—человек». Люди будут глядеть, читать надпись, читать и не верить.

Сентябрь 1941

ПОЖАЛОВАЛ БАРИН

Некоторые думали, что немцы привезут с собой русских помещиков. Плохо они знают гитлерячью породу: герр хапун не то, что краденой земли, он даже краденой булавки никому не отдаст. В русскую деревню Отрадное пожаловал барин — граф Кермер. Об этом нас известил приказ 38-го немецкого мотоциклетного батальона 18-й дивизии. В приказе сказано:

«На основании приказов верховного командующего армией я постановляю, что выполнение указанных мероприятий в подчиненной мне области должно быть обеспечено находящимися в данной области войсками.

Сельскохозяйственными офицерами назначаются:

Лейтенант Маттерн (мотоциклетный батальон) — его ведению подлежат селения Мелехово, Кузьмичино, Митнево, Клевцы.

Лейтенант граф Кермер (разведывательная группа 18-й дивизии) — его ведению подлежат селения Тимошино, Отрадное.

Сельскохозяйственные офицеры устанавливают связь с доверенными старостами, которым указывают, какие работы должны быть немедленно выполнены. Чрезвычайно важно, что-

бы урожай был собран без остатка и чтобы были проведены осенние посевы.

Указания о поставках и о выдаче хлеба последуют позднее. Колхозы сохраняются, как хозяйства. Стремлению крестьян к разделу земли должен быть дан отпор. Крестьян следует поучать, разъяснив им, что колхозная система, как большевистская, отменяется. Однако на земле бывших колхозов будет вестись крупное хозяйство. Ничего другого не может быть. Каждый крестьянин обязан работать на общем дворе. За свою работу он будет получать через известные промежутки времени сельскохозяйственные продукты или плату.

Для поддержки сельскохозяйственных офицеров коменданты селений назначают особо подходящих унтер-офицеров, которые осуществляют непосредственный надзор за работами и докладывают сельскохозяйственному офицеру об успехах в работе или о случаях саботажа, нежелания работать и т. д. На доверенного старосту должна быть возложена ответственность за проведение всех работ. Его нужно всемерно поддерживать против его односельчан.

К у н е р т ».

Лейтенант Маттерн и граф Кермер — вот новое столбовое дворянство — им раздадут русские угодья. Они получают не только русский чернозем, но и русских крепостных. В 1861 году в России, под давлением народа, было уничтожено крепостное право. В 1941 году герр Гитлер его восстанавливает. Унтер-офицеры («особо подходящие») с плетками будут следить за ходом работ. А «через известные промежутки времени» граф Кермер будет швырять своим крепостным вершки от картошки и корешки от пшеницы. Для нерадивых — порка на конюшне. Для девушек — графская постель. Для недовольных — гитлеровская виселица.

Барин пожаловал к нам: герр граф Кермер. Хорошо бы устроить социалистическое соревнование — кто первый уложит этого сиятельного разбойника.

Сентябрь 1941

ДВА ГОДА

Два года тому назад Гитлер начал войну. Он говорил тогда, что идет освободить немцев, которые живут в Данциге. С того дня он убил, искалечил или оставил без крова миллионы людей. Он поработил десять стран. Европу он обратил в пустыню. Он погнал своих солдат завоевывать полярную тундру, зной-

ные пески Африки. Не данцигских немцев освобождал он, нет, он освобождал землю от людей.

Жизнь современного человека была сложной, как часовой механизм. Страны переплелись друг с другом, как корни деревьев в лесу. Из Венецуэлы шли танкеры с нефтью. Аргентина растила баранов для Швеции. В австралийскую шерсть одевались парижане. Гевей Сингапура давали миру каучук, земля Испании — ртуть, леса Скандинавии — бумагу. Мировое хозяйство Гитлер заменил первобытным разбоем. Германский народ он превратил в кочевую орду. Немцы захватывали страны и опустошали их. Рыбаки Норвегии больше не выходят в море. Пастухи Сербии не пасут скот. Опустели сады и виноградники Франции. Захваченные Гитлером страны окружены стальным кольцом: ни каучука, ни нефти, ни меди, ни хлеба.

Гитлер показал себя мастером разрушения. Его орды, проходя, уничтожают заводы, плантации, памятники. В пепел обращены сотни прекрасных городов. Уничтожены мосты и туннели, электрические станции и доки. За два года Европа откинута на много веков назад. Люди переселились под землю, стали пещерными людьми. Вся Европа зарылась в ночь. Люди в Германии и в покоренных немцами странах едят суррогаты, падаль, ворон, кору, сорняки. Вымерли старики. Каждый день умирают дети. Гитлер это — смерть.

Гитлер обещал немцам работу. Он уничтожил безработицу — его безработные погибли на полях Фландрии, в горах Греции, в лесах Белоруссии. Гитлер обещал немцам богатство. Никогда еще Германия не жила такой нищенской жизнью. В одном из последних номеров берлинской газеты «Фелькишер беобахтер» среди сводок напечатано важное сообщение: в виду радостных событий каждому берлинцу будет выдано 125 граммов селедки. Вот богатство Гитлера!

Гитлер обещал немцам мир. Он воюет два года, и теперь он куда дальше от мира, чем в первый день войны. Гитлер должен воевать, он не может жить без войны. С каждым месяцем он увеличивает число врагов Германии. Она окружена теперь мощными противниками. Армия Советского Союза, флот Великобритании, индустрия Соединенных Штатов несут Гитлеру гибель.

Для войны нужен тыл. У Германии нет тыла. Гитлер должен в каждой завоеванной деревне держать своих солдат. Слово «немец» стало во всей Европе пугалом, символом грабежей и убийств. Кто становится в захваченных странах партизанами? Глубоко мирные люди, никогда дотоле не бравшие оружия: норвежские рыбаки и греческие виноделы, голландские счето-

воды и чешские агрономы. Редкие леса Европы заселились тенями. В мелких ее реках — трупы убитых немцев. В ее некогда шумных и веселых городах стоит тишина кладбища. Но под половицами снуют люди — печатают листовки, передают пароли, прячут оружие. На заводах Чехии и Франции рабочие ломают станки, изготавливают дефектные моторы, начиняют бомбы мелом и песком. Не успевают работать военные суды Гитлера: приговаривают к расстрелу людей, города, народы. Затравленная свобода, как призрак, бродит по затемненной Европе, будит людей, заряжает револьверы, гонит смельчаков в леса, сбрасывает немецкие эшелоны под откос. И среди белого дня, в завоеванном Версале раздается выстрел — это молодой француз расплатился с одним из дворецких Гитлера, с презренным Лавалем.

В «победившей» Германии царят унынье и тишина, присущие поражению. Хорошо организованный, аккуратный голод, белокровье целого народа. Германия, которую немецкие скульпторы привыкли изображать дебелой грудастой валькирией, превратилась в плоскую, как доска, и бесплодную тень. Что досталось от «трофеев», захваченных в десяти странах, немецким городам? Посылочки. Крохи. Гитлеровская армия все сожрала на месте, и немецким женщинам выдали рассказы о французских курах и о сербской свинине.

Одна Гретхен написала своему жениху, солдату Вилли Вейлеру: «Война ужасная вещь, поскольку мы должны нести большие жертвы». Изумительно это «поскольку» — они ведь думали, что нести жертвы будут только другие. Тогда война была бы прекрасной вещью. А теперь, ознакомившись со свистом фугасок, все эти «невесты» завывали. Вот что пишут немки о ночах Германии. Из Кельна: «Милый Вилли, здесь был ад. Что мы пережили в ночь со вторника на среду, трудно передать. Меня в убежище мучили истерические рыдания, просто я не могла. У нас по соседству так и падали бомбы. Мы сидели и ждали: сейчас наш черед. Так что прости за плохой почерк, я и теперь дрожу, когда думаю об этом. Как только темнеет, начинаю нервничать. Как завоет сирена, я молнией несусь вниз. Словом, не могу тебе описать всего, что разрушено. Только скажу, что Кельн горел с четырех концов. А после зажигательных «томми» стали скидывать фугасные. Словом, это была ночь ужасов». Из Людвигсгафена: «В ночь с 9-го на 10-е у нас был снова ужасный визит. Хотя в сообщении верховного командования Людвигсгафен не упоминается, нам изрядно досталось. Лучше об этом не писать»... Из Маннгейма: «Они сбрасывали воздушные торпеды в 18 центнеров. Ну и дым стоял! В четырех районах отгорожены целые кварталы». Из Гамбурга:

«Сидим по шесть часов в подвале и слушаем свист бомб. Я не хочу жаловаться, но какие мысли приходят в голову, когда в четыре часа утра звонит Франциска и говорит, что она на улице и все потеряла». Из Дуисбурга: «Прошлую ночь «томми» опять были здесь. Дуисбург выглядит ужасно. Нехватало санитарных машин, чтобы увозить раненых и засыпанных».

Они думали, что будут бомбить Париж и Варшаву, Лондон и Москву. Но — кровь за кровь. И под шум бомб немцы и немки начинают впервые думать. Женщина в Гамбурге признается: «Приходят в голову мысли»... Несчастный народ, к нему сначала должны прилететь бомбардировщики, чтобы вслед за ними пришли первые мысли!..

Английские летчики долетали до Берлина. Теперь с востока на столицу Германии налетают и советские бомбардировщики. Небо над Берлином открылось для свидания друзей — англичан и русских. А Восточная Германия узнала ночные кошмары Западной. Из Эльбинга пишут ефрейтору Шниткеру: «Они сбросили бомбы на металлургический завод и в Фриштадте. Кенигсбергу тоже досталось». Из Мариенбурга фельдфебелю Брумеру: «Восемь раз нас бомбили». Из Бромберга: «Сегодня семнадцатая тревога. Кругом развалины... 24-го здесь началась паника. В 6 часов налетели русские самолеты. Тревоги не успели дать. Все были на улицах. Восемь самолетов сбросили бомбы. Фридрихсмаркт и Маннгеймштрассе совершенно разрушены. Налет продолжался до 10 часов».

Во вторую годовщину войны Германия начинает расплачиваться за развалины Европы. В Германии не звенят победные фанфары. Там воют сирены. И вслед за сиренами начинают выть люди.

«1941 год будет годом победы», — сказал одураченным немцам Гитлер. Но 1941 год уже принес Германии десятки разрушенных городов и миллионы жертв. В Берлине до войны любили устраивать скачки борзых — собаки неслись за искусственным зайцем, который двигался с помощью электрической энергии. Чем быстрее мчались борзые, тем быстрее убегал от них заяц. Так и гитлеровцы, высунув языки, задыхаясь, несутся за победой. Но победа убегает от них.

День и ночь они бомбили Англию. Они клялись, что уничтожат всех англичан. Они строили лодки для десанта. Они назначали дату торжественного въезда в Лондон. Они говорили, что ждут туманов, потом, что туманы им мешают — они ждут лета. Прошла осень, прошли зима и весна. Они посылали в Англию тайных эмиссаров. Они пели серенады и угодливо улыбались. Англия не сдалась. Тогда, обезумев, Гитлер послал свои лучшие дивизии на Восток. Он захватил немало на-

ших городов и сел. У него сильная армия. Это армия с автоматами. Но это армия автоматов. Она движется по инерции, приученная к слепому повиновению, но удары ее танковых колонн напоминают первые судороги чудовища, предчувствующего свою гибель.

Они нашли новых союзников — Маннергейма и Антонеску — двух наемников с солдатами, которые не хотят умирать за Гитлера. Они нашли нового противника — шестую часть мира, двести миллионов людей, защищающих свое право на жизнь. Они хвастают, что им экономически помогает нищая Словакия. А против них встала Америка — с ее золотом, с ее заводами, с ее нефтью и с ее пшеницей. Кольцо вокруг Германии сжимается. Гитлер ищет лазейку. Электрический заяц далеко... Гитлер вертит глобус. И вот его агентов высылают этапом из Южной Америки. И вот бегут из Ирана немецкие летчики с паспортами коммивояжеров.

Он ведет счет захваченным квадратным километрам. Мы ведем счет его убитым солдатам. Царь эпитров Пирр жил за три века до нашей эры, но имя его дошло до нас в поговорке: «Пиррова победа». Пирр только и делал, что побеждал. Он победил римлян при Гераклее, он победил их при Аускулуме. Он захватил огромные территории. Тогда не было танков, но Пирр прославился своими слонами. После одной из побед Пирр воскликнул: «Еще одна такая победа, и я останусь без армии». Пирра разбили при Беневенте. Может быть, наши потомки будут говорить: «Гитлерова победа» — о тех победах, которые страшнее поражений.

В темной, отупевшей Германии начинают понимать безвыходность положения. Два года крови и голода — и впереди не триумфальные арки, но развалины. Вот что пишут немки сыновьям, мужьям, женихам: «Я стараюсь не думать, а то сойдешь с ума. Только не повторился бы разгром 1918 года!» «Сегодня мы в ужасном волнении, после того, как объявили войну против России. Целый день сидим у радио. Война становится все больше и все хуже»... «Если бы только кончилась эта страшная война...» «Я знаю, что ты не можешь писать. Кто знает, что у вас делается. Страшно много убитых. Я не могу сосчитать, сколько погибло из одного Герсдорфа, и все такие молодые, не старше двадцати лет». «Война с Россией стоит невероятных жертв. Наши лазареты переполнены. На нашей станции особенно плохо. У них в большинстве нет руки или обеих рук»... «Я снова спрашиваю себя — долго ли еще? Ничего не остается другого, как молчать. Когда-нибудь придет день избавления». «Кто знает, что еще будет. Жутко идти в неизвестность». «Уже много крови пролилось на Балканах. И все еще не конец.

А теперь Россия... Только бы Америка не втянулась»... «В прошлом году, когда ты сражался в Бельгии, мы были уверены, что скоро кончится. А теперь никто не знает, когда придет конец». «Началась война с Россией. Я боюсь, что теперь война никогда не кончится». «Веришь ли ты, что после всего этого можно захотеть разводить ребят? Кто знает, что будет через двадцать лет. Может быть, и тогда придется дрожать за своих детей и зятьев...»

Страшные люди, выросшие под знаком черепа, приученные к войне, как к естественному состоянию, они не смеют глядеть вперед. Будущее их страшит. Они думают, что война будет вечно. Гитлер говорит: «Я обещаю вам мир в 1941 году». Но фрау Шерер отвечает: «Что будет через двадцать лет?» Ей 1961 год мнится в подвале среди рвущихся бомб.

1939—1941. Два года эсэсовская сволочь резвилась в городах преданной и проданной Европы. Два года папаши гитлеровцев вкалывали флажки в карты, отмечая новые победы. Два года супруги грабителей радовались французским чулкам и голландскому сыру. Два года Адольф Гитлер хриплым голосом, похожим на лай гиены, кричал о своем торжестве. И вот начинается третий год. Он будет годом расплаты. Скоро улицы Берлина и Лейпцига станут походить на улицы Кельна и Маннгейма. Десятки и десятки новых дивизий лягут костями на нашей земле. И тогда придет конец — не тот, о котором мечтают фрау и фрейлейн, — другой, справедливый.

Когда Гитлер вошел в Париж, он приказал зажечь на всех германских горах костры и звонить во все колокола. Теперь не те времена... Горят не бутафорские костры, горят города Германии, подожженные советскими и английскими бомбами. И колокола языческой Германии заговорили другим языком — они теперь звонят по мертвым немецким дивизиям.

Сентябрь 1941

РАЗВОРОЧЕННОЕ ЛОГОВО

Берлинская радиопередача на английском языке. Выступает некая Пегги Мак Грегор. Она рассказывает о своем посещении Гамбурга:

«Я думала, что город изменился. Однако, выйдя на перрон чудесного вокзала, я увидела толпу оживленных людей. Я отправилась в буфет. У элегантных подавальщиц, снующих с разными вкусными вещами, было много работы. Наконец, мне подали завтрак: булочки, свежее масло, хороший кофе. Днем я обедала в ресторане, накормили вкусно и обильно.

Толпа на улицах очень нарядна. Особенно мне понравилось, что девушки и молодые женщины ходят без чулок в элегантных сандалях на деревянных подметках. Это очень мило. Я не видела изможденных лиц, повсюду бодрость, оживление. Я пошла в порт, который, как известно, облюбован английской авиацией. Никаких следов налетов. Солнце освещает изящные портовые сооружения».

Я сначала прослушал щебет Пегги Мак Грегор. Потом я прочитал письмо Эльзы Ширке, адресованное ее мужу, ефрейтору Гансу Ширке, и помеченное «Гамбург, 29 августа». Вот что пишет Эльза:

«Ты не узнал бы нашего города. Когда мы выходим утром после тревоги, то смотрим, что еще уцелело. Прежде говорили «то, то разрушили», а теперь считают, что уцелело. Порт это кладбище. Когда идешь по Сан-Паули, берет ужас. Завод, где работала Магда, «томми» сожгли. Возле вокзала упала фугаска, очень большая. Там волна снесла четыре дома. На нашей улице осталось три дома. А что делается в предместьях, трудно передать! Ты знаешь, когда темнеет, меня начинает бить озноб, я очень измучилась. Есть нечего, вся надежда, что ты пришлешь посылочку из России. Вчера приехал в отпуск муж Магды, он меня не узнал — так я похудела и постарела...»

Я верю Эльзе, а не Пегги. По правде сказать, я не верю, что Пегги Мак Грегор существует. Скорей всего это — дамский псевдоним Геббельса.

Врет Пегги-Геббельс, как всегда, нескладно. Обувь нищеты, деревянные башмаки, прозванные в Германии «клик-клаками», он выдает за достижения моды, развалины — за «оживление», голод — за изобилие и английские фугаски — за сдобные булочки.

Мы ведем счет выведенным из строя немецким дивизиям. Английские летчики ведут счет выведенным из строя немецким городам. Мы бьем зверя. Они разворачивают его логово. В одном письме немки о Кельне сказано коротко, но выразительно: «Кельн свое отвоевал». Может быть, и Гамбург отвоевал свое? Падают, как карточные домики, немецкие дома. Дом за домом, кирпичик за кирпичиком. Бить их в воздухе, на море, на земле. Пока мы не скажем: «Германия свое отвоевала».

Октябрь 1941

УРОКИ РУССКОГО ЯЗЫКА

В Берлине открыты краткосрочные курсы русского языка: какие-то ловкачи обещают научить немцев в сто уроков русскому языку. На курсах русский язык своеобразен. Имя суще-

ствительное? Курица, староста, реквизиция, порка, виселица. Глаголы? Брать, пытать, расстрелять, закопать.

Вряд ли за сто уроков тупоумные берлинцы научатся даже этому ограниченному словарю. Но нужно сказать, что на фронте они кое-чему научились. Сто дней и сто ночей учили их русские языку орудий и пулеметов. Это единственный язык, который понятен молодым гитлеровцам, не считая языка авиабомб, мин, гранат и винтовок.

После ста уроков самые способные сдали экзамен: лежат в земле или сидят в лагерях для пленных. Об их достижениях свидетельствуют письменные работы.

Вот что писал 10 сентября фельдфебель Гуго Редер (пол. почта 29654 В) своему приятелю фельдфебелю Андреасу Лейхту:

«О, ужас! Кто в Польше мог бы подумать, что через два года будет еще хуже? Вчера при переправе через Днепр я насчитал 103 немецких могилы. Такого злого врага мы еще не имели. Кроме того, не видно конца»...

Тот же фельдфебель пишет 10 сентября своей возлюбленной Эльзе Бауер:

«Небритый, грязный, голодный сижу и думаю о тебе. Кругом — пустыня. Никогда в Россию — вот моя клятва! По сравнению с Россией Польша была золотом».

Этот фельдфебель бесспорно проявил успехи. В Польше он еще был пригодишкой. У нас его подучили. Солдат Урбан Мюдлер (пол. почта 29654 В) в Польше не был. Его послали во Францию, а потом к нам. Он пишет 6 сентября:

«Теперь мне определенно приходится переживать больше, чем во Франции. Я там и не понимал, как мне было хорошо. Вы не можете себе представить, что здесь происходит. Я никогда не забуду русской артиллерии»...

Этот тоже сдал экзамен, вызубрил, сам говорит, что никогда не забудет.

Ефрейтор Теодор Гайнц (пол. почта 29654 В) — один из первых учеников. Он пишет 12 сентября:

«Бросается в глаза, что среди нас и старики и юнцы. Помому, берут всех без разбора, лишь бы воевать. Повсюду немецкие могилы. Мне пришлось пережить здесь не один тяжелый день. Иногда я себя чувствую конченным человеком. Нервы больше не выдерживают, становишься совсем оголтелым. Если бы, наконец, все это кончилось! Ведь после войны снова останешься тем же ослом, что и до войны. Я просто не могу передать, что со мной. Русские нас все время обрабатывают тяжелыми бомбами. Это невыносимо!»...

Ефрейтор Теодор Гайнц оказался на редкость способным: после

«обработки» бомбами он даже понял, что он — осел. Это — отличник.

Учатся не только солдаты, учатся и офицеры. Дневник лейтенанта Иосифа Кассинга (пол. почта 12337 Е) — целая дипломная работа. Лейтенант вначале беспечен. Он занят одним: как совместить богословскую кафедру с работой на случайном пункте. Он пишет:

«Что со мной будет? Я ведь намеревался изучать богословье. Но как только я вернусь домой, я перепорчу всех девушек. Это первое, что я сделаю».

Он еще глуп и несведущ. Уроки впереди. И вот начинается обучение русскому языку:

«С другим чувством я пошел на эту войну. Не как на войну с Францией... Меня мучает мысль, что меня убьют.

Много немецких могил, и много еще не погребенных немцев. Ах, это ужасно!.. Во Франции было не так...

Русские с утра шлют нам привет. Каждую минуту они стреляют. Боже, что же это такое?

Русские опять обстреляли нас сильным артиллерийским огнем. У нас большие потери.

Я подготовил свой окоп и выложил его соломой. Мне хотелось спросить других: «Видели ли вы когда-нибудь человека, который сам себе выкопал могилу. Боже, помоги мне! Я не могу больше этого слышать, не могу!..»

Лейтенант Иосиф Кассинг тоже не зря провел три месяца на нашей земле. Этот жеребчик стал слезливым и сентиментальным. Он столько наслушался снарядов и бомб, что поуменел, понял, что немецкая армия роет себе у нас могилы.

Много сотен тысяч сдали экзамен. Кресты — не железные — деревянные, — вот их аттестаты зрелости. Мы не собирались обучать берлинских кретинов. У нас были свои дела и своя жизнь. Роль педагогов нам навязали. Они обязательно хотят изучить русский язык. Наверно, они мечтают о карьере гаулейтеров, надсмотрщиков, тюремщиков и сборщиков податей. Первый краткосрочный курс закончен. Отсталые подвергнутся дополнительному обучению. Пока не поймут...

Честь и слава учителям: нашим артиллеристам и летчикам, всем бойцам Красной армии. Они учат и научат.

Октябрь 1941

ВОЛК В ЧЕПЧИКЕ

Обычно гитлеровцы скидывают на наши деревни зажигалки и фугаски. Но на одну деревню немцы скинули несколько колбас, фунт конфет и пачку листовок. Фашисты ищут:

«У нас много всего — колбасы и сладостей. Мы вам желаем добра. Не сопротивляйтесь».

Мы знаем, чего у них много,— не колбасы и не конфет— у них много голодных разбойников. Как саранча, они налетели на русскую землю. Они гоняются за русскими курицами и мечтают о русском гусе. Письма их жен носят следы голодных слюнок. Они едят в Германии химические леденцы и синтетические сосиски из дерева. Они скинули нашим крестьянам огрызок ворованной русской колбасы и говорят: «Кушайте на здоровье. Мы вас любим».

Они хотят нас взять на карамельку, как берут рыбку на червяка. Но мы не пескари. Мы их хорошо знаем. Они скидывают карамельки, а потом на бреющем полете расстреливают детей.

В сказке о Красной Шапочке волк стучится: «тук-тук», и нежно шепчет: «Это я, ваша внучка. Я принесла вам лепешки да горшочек масла». Волк съел бабушку, надел ее чепчик и лег, покрылся одеялом. Красная Шапочка говорит волку: «Бабушка, какие у вас большие руки». Волк отвечает: «Это, чтобы крепче тебя обнимать». — «Бабушка, какие у вас длинные зубы». — «Это, чтобы съесть тебя».

Волк Гитлер надел чепчик и машет волчьей лапой: «Хочу вас обнять». Гитлер пишет медовые листовки. Он даже разорился на фунт медовых леденцов. У этого волка длиннущие зубы...

Гитлеровцы говорят: «Мы вас накормим», и отбирают у колхозников последний каравай.

Гитлеровцы говорят: «Мы вас оденем», и сдирают с мертвых рубашку, с живых кожу.

Гитлеровцы говорят: «Мы вас приютим», и закапывают живьем в могилу.

Гитлеровцы говорят: «Мы вас обласкаем», и выкалывают глаза раненым.

Но мы не Красные Шапочки. Мы не примем Гитлера ни за бабушку, ни за внучку. Мы видим его волчьи зубы.

Он стучится: «тук-тук». Внимание! Стреляй в волчью морду!

Октябрь 1941

МЫ ИМ ПРИПОМНИМ!

По-разному складывались судьбы народов. Итальянцы, поляки, сербы, греки хорошо знают, что такое национальный гнет. Русский народ много пережил на своем веку. Он знал опричнину и крепостное право. Он знал голод, войны, мор. Но никогда он не знал национального унижения. Никогда русских

не попрекали за то, что они русские. Презренный Гитлер решил посягнуть на русскую честь, на русскую гордость.

Передо мной грязная бумажка — приказ германского коменданта города Красноармейска.

«24 октября 1941 г.

Приказ.

Гражданское население города Красноармейска, встречая германского военнослужащего, должно приветствовать его снятием головного убора.

Все лица, не подчинившиеся этому распоряжению, будут наказаны, согласно германским военным законам».

По улице идет немецкий солдат. Он только что ограбил чей-то дом. Из его карманов торчат серебряные ложечки и дамская кофта. От него разит шнапсом. Этот мерзавец убил раненого русского. Он весело насвистывает «Ах, майн пупхен». И вот перед ним ломать шапку? Перед его начальником обер-лейтенантом, двуногим зверем, который пытается арестованных?

Они наводят револьверы: «Снимай шапку, не то застрелю!» Потом они умиленно пишат в своих газетах:

«Русские приветствуют немцев, обнажая головы». Им мало убить — они хотят еще унижить.

Они не знают русской души. Мы все им припомним. Мы им припомним не только разрушенные города, мы им припомним и нашу смертельную обиду. Шапками они не отделаются — придется им расплачиваться головой.

Ноябрь 1941

ВЫСТОЯТЬ

Немцы хотят нас разесть своей ложью. Они говорят колхозникам: «Мы не против вас, мы против рабочих». Они говорят рабочим: «Мы не против вас, мы против интеллигентов». На самом деле им все равно, кто ты — рабочий, колхозник, интеллигент, русский, украинец, грузин, еврей: они против всех нас. Они хотят завоевать нашу землю. Они хотят взять наше добро. Половину людей они хотят уничтожить. Другую половину — обратить в рабство.

Они говорят: «Мы против советского строя». Ложь. Им все равно, какой у нас строй. Им нужно нас ограбить. Во Франции была республика. Немцы были тогда против республики. В Югославии была монархия, немцы были против монархии.

В Польше было правое правительство, немцы были против правых, в Норвегии было левое правительство, они были против левых.

Они говорят: «Мы против коммунистов». Ложь. Они против всех граждан нашей страны. Они только за своих шпионов. Все честные люди для них враги. Кого они сейчас расстреливают в Чехословакии? Коммунистов? Нет, генералов, рабочих, крестьян, учителей, левых и правых. Они сажают в тюрьмы католических священников Франции, Бельгии, Словении. Они пытаются православных священников Сербии. Может быть, для них аббаты и священники тоже «коммунисты».

Они говорят: «Мы против евреев». Ложь. У них есть свои евреи, которых они жалуют. У таких евреев в паспорте две буквы «W. J.» — «ценный еврей». В Югославии немцы объявили, что «низшая раса» — сербы. В Польше они обратили в рабство поляков. Они говорят, что французы «низшая раса — полунегры». Русских они называют «монгольскими вырожденками». Они ненавидят все народы, кроме немцев. Они презирают все расы, кроме немецкой.

Они говорят, что они дадут крестьянам землю. Ложь. Для крестьян у них одна земля — на могилу. У кого в Германии земля? У герцога Кобург-Гота десять тысяч га, у герцога Фридрих-Ангальт двадцать девять тысяч га, у графа Арним фон Мускау двадцать шесть тысяч га, у маршала Геринга двадцать тысяч га. Эти герцоги, графы, бароны решили прикарманить русскую землю.

Немцы вводят в захваченных областях крепостное право. Колхозы они превратили в «предприятия германской армии», машинно-тракторные станции объявлены собственностью германского государства. Колхозники обязаны работать на «общинных дворах» под надзором немецких офицеров.

Они говорят, что они несут рабочим «социализм». Ложь. Кто правит Германией? Капиталисты. Круппы. Феглеры. На одного маршала Геринга работают шестьсот тысяч рабочих. Немецкие капиталисты хотят забрать нашу нефть, наш уголь, нашу сталь, наш марганец, наш лес. Рабочие будут работать на них и есть помой. Немецкий медицинский журнал недавно разъяснил, что мясо «чрезвычайно вредно для славянской расы», поэтому немцы, заботясь о спасении всех рас, переведут славян на вегетарианский режим. Котлеты будут есть Геринги — им полезны котлеты с картошкой. Кожуру от картошки они выдадут русским рабочим.

Они говорят, что несут интеллигенции культуру. Жалкие вырожденки, они смеют говорить о культуре, нам, стране Пушкина и Толстого, Менделеева и Павлова, Мусоргского и Бородина.

Они заставили французских писателей продавать на улицах орехи. Они заставили чешских профессоров убирать немецкие конюшни. Они заставили голландских музыкантов чистить сапоги немецким ефрейторам. Они уничтожают культуру. Они ищут русских ученых, русских врачей, русских инженеров, чтобы послать их на «трудовые работы»: убирать в Германии выгребные ямы.

Они говорят, что чтут мораль. Это развратники, мужеложцы, скотоложцы. Они хватают русских девушек и тащат их в публичные дома, выдают их своей солдатне, они их насилуют, заражают сифилисом.

Они говорят, что они исповедуют религию. Но они поклоняются языческому богу Вотану. Они вешают священников. У них написано на бляхах «с нами бог». Но этими бляхами они бьют по лицу агонизирующих пленных.

Они говорят, что они сторонники национальной культуры. О культуре они ничего не слышали. Культура для них — это автоматические ручки и безопасные бритвы. Автоматическими ручками они записывают, сколько девушек они изнасиловали. Безопасными бритвами они бреются. А потом опасными бритвами отрезают носы, уши и груди у своих жертв. Они призывают фламандцев резать валлонцев, они призывают хорват резать сербов, они призывают украинцев резать русских. А потом они режут фламандцев, хорват и украинцев. Они заставляют чехов писать по-немецки. Они заставляют норвежцев говорить по-немецки. Они заставляют поляков перед смертью хрипеть по-немецки. Они уничтожают национальную культуру. Они требуют, чтобы все народы отреклись от своей культуры. Они хотят, чтобы была только одна нация: немцы. Остальные пусть лижут камень и глотают пыль.

Они не сотрут нас силой. Они не возьмут нас и хитростью. Каждый советский боец знает, за что он идет в бой. Колхозник дерется за землю дедов. Рабочий — за труд, за свое государство. Интеллигент сражается за нашу культуру, за книги, за право мыслить, творить, совершенствовать мир. Юноши сражаются за чистоту любви, за русских девушек. Отцы — за счастье детей и за честь матери. Подростки за то, что перед ними. Старики за то, что они сделали. Русские за Пушкина, за Волгу, за березы. Украинцы за Шевченко, за хаты, за вишни. Грузины за Руставели, за горы, за виноградники. Все народы — за одно: за родину.

Враг наступает. Враг грозит Москве. У нас должна быть одна только мысль — выстоять. Они наступают, потому что им хочется грабить и разорять. Мы обороняемся, потому что хотим жить. Жить, как люди, а не как немецкие скоты. С вос-

тока идут подкрепления. Разгружают пароходы с военным снаряжением из Англии, из Америки. Каждый день горы трупов отмечают путь Гитлера. Мы должны выстоять.

Октябрь 1941

НЕТ ТЫЛА

Города Поволжья увидели людей, лишившихся своего крова, людей, добравшихся до Волги из захваченных врагом областей. Стало тесно в городах Поволжья. Скажем еще раз: в тесноте, да не в обиде.

Конечно, каждому приятно жить у себя. Конечно, каждому обидно стоять в очереди. Конечно, каждого злит, когда он не находит на базаре молока. Но легче жить в углу, нежели в блиндаже. Немецкие фугаски хуже очередей. Можно прожить без молока. Нельзя прожить под немцами.

В этой войне нет тыла. Война повсюду. Наши летчики бомбят Берлин, а Берлин далеко в тылу. В Италии все население получает в день по 200 граммов хлеба, а Италия далеко от фронта. Каждый должен теперь терпеть лишения. Пришлось поделиться комнатой? Не беда. Пусть подумают ворчливые люди о гарнизоне Ханко, который, окруженный со всех сторон, пятый месяц отбивает атаки врага.

Плохо ли хорошо ли мы жили, но мы жили у себя дома. Немцы несут гибель всем. В Париже до немцев было вдоволь продовольствия. В Париже не знали, что такое очередь. А когда пришли немцы, родились очереди, да какие — в один километр длиной — за пятью картофелинами. Немцы сидят в ресторанах и жрут бифштексы. А парижане получают по пятидесяти граммов хлеба.

Поляков немцы гонят на каторжные работы. Конечно, обидно, если отбирают у человека комнату. Но хуже, когда у него отбирают страну. Тогда и податься некуда. Поляков немцы гонят в Германию: там они работают, как рабы. А кормят их похлебкой на картофельной кожуре.

Сколько стоит молоко на базаре? Одни говорят — слишком дорого. Другие говорят — слишком дешево. Но в городах Украины, захваченных немцами, таких разговоров не услышишь. Там немцы попросту забирают все молоко. Они расплачиваются квитанциями: маленькая бумажка, можно из нее свернуть козью ножку, только не свернешь — даже махорку немцы забрали.

Если города Поволжья хотят отстоять себя, они должны работать день и ночь. Приехали заводы из Кнева, из Харькова,

из Ленинграда, из Москвы. Машины стали беженками. Рабочие наспех устанавливают станки. Делают моторы, самолеты, оружие. Женщины, учитесь работать. Идите на заводы. Защитники Москвы защищают не только Москву. Они защищают Горький, Казань, Куйбышев, Саратов. Помогите устроиться пришлым рабочим. Окружите заботой раненых бойцов. Помогите колхозникам собрать картошку. Наладьте распределение. В городах много свободных магазинов. Очереди не от недостатка. Очереди от беспорядка. Пусть каждый проявит инициативу. Пусть никто не сваливает на другого ответственность. Теперь каждый человек — в строю. Не ворчать нужно, работать, организовывать, действовать.

Эта война не гражданская война. Это отечественная война. Это война за Россию. Нет ни одного русского против нас. Нет ни одного русского, который стоял бы за немцев. Немцы говорят, что они воюют против советского строя. Ложь! Им все равно, какой у нас строй. Они пришли не для того, чтобы спорить с нами. Они пришли, чтобы ограбить нас. Все русские должны подняться против них. Мы знали в жизни много трудного. Но мы не знали одного: никто никогда не ругал русских за то, что они русские. А на улицах Смоленска, Новгорода, Орла стоят немецкие держиморды и орут: «Поворачивайтесь живей, русские свиньи!» Города Поволжья не хотят узнать позор. Города Поволжья должны глядеть правде в глаза. Враг силен. Но сильнее врага наше мужество, наша воля, наше единство. За Россию мы терпим, за Россию деремся, и Россию мы отстоим.

Октябрь 1941

КИЕВ

На войне нужно уметь переносить горе. Горе питает сердце, как горючее — мотор. Горе разжигает ненависть. Гнусные чужеземцы захватили Киев. Это — горе каждого из нас. Это — горе всего советского народа.

Его звали «матерью русских городов». Он был колыбелью нашей культуры. Когда предки гитлеровцев еще бродили в лесах, кутаясь в звериные шкуры, по всему миру гремела слава Киева. В Киеве родились понятия права и справедливости. В Киеве расцвело изумительное искусство, славянская Эллада. Берлинские выскочки, самозванцы топчут сейчас древние камни. По городу Ярослава Мудрого шатаются пьяные эсэсовцы. В школах Киева стоят жеребцы-ефрейторы. В музеях Киева бесчинствуют погромщики Гитлера.

Киев был светлым и пышным — он издавна манил к себе голодных дикарей. Его много раз разоряли. Его жгли. Он воскресал из пепла. Давно забыты имена его случайных поработителей, но бессмертно имя Киева.

Здесь кровью были скреплены судьба России и судьба Украины, истоки одной реки, корни одного леса. И теперь горе украинского народа — горе всех советских людей. В избах Сибири и в саклях Кавказа женщины с тоской думают о городе-красавце.

Мы помним героев Киевского арсенала — это были первые бои за свободу. Бури революции освежили Киев. Я был там этой весной. Я не узнал родного города. На окраинах выросли новые кварталы. Липки стали одним цветущим садом. В университете дети пастухов сжимали циркуль и колбу — перед ними раскрывался мир, как раскрываются поля, когда смотришь вниз с крутого берега Днепра.

Настанет день, и мы узнаем изумительную эпопею защитников Киева. Каждый камень будет памятником героям. Ополченцы сражались рядом с красноармейцами и до последней минуты в немецкие танки летели гранаты, бутылки с горючим. Подступы города залиты вражеской кровью. В самом сердце Киева, на углу Крещатики и улицы Шевченко, гранаты впились в немецкую колонну. Настанет день, и мы узнаем, как много сделали для защиты Родины защитники Киева. Мы скажем тогда: они потеряли сражение, но они помогли народу выиграть войну.

Сожмем крепче зубы. Немцы в Киеве — эта мысль кормит нашу ненависть. Мы будем за многое мстить, мы отомстим им и за Киев. В восемнадцатом году они тоже гарцовали по Крещатику. Их офицеры тогда вешали непокорных и обжирались в паштетных. Вскоре им пришлось убраться во-свояси. Я помню, как они убегали по Бибикивскому бульвару. Тогда они унесли свои кости. Их дети не унесут и костей.

Когда убивают любимого командира, с сухими глазами идут в бой бойцы: отплатить врагу. Когда гитлеровцы сжигают дом, колхозники берут топоры и уходят в лес: отплатить врагу. Они осквернили Киев — мы отплатим им за это — до конца.

Мы освободим Киев. Вражеская кровь смывает вражеский след. Как птица древних — Феникс, Киев восстанет из пепла, молодой и прекрасный. Горе кормит ненависть. Ненависть крепит надежду. Сожмем ряды. Нам есть за что драться: за Родину, за наш Киев.

НЕ ДОПУСТИМ!

Мы глядим правде в глаза. Враг захватил Украину. Его орудия терзают гордый Ленинград. Его орды подошли к сердцу России — Москве. Он хочет прорваться к Кубани. Никогда еще Россия не знала таких грозных дней.

Это борьба на смерть. Это борьба за Россию. Сейчас решается судьба нашего государства на годы, на века: быть России или не быть.

Против нас нет русских. Против нас немцы, жадные и голодные. Они идут на нас, как крысы. Против нас нет русских. Против нас немцы, тупые и чванливые. Они хотят нас сделать рабами. Они хотят, чтобы мы работали на них. А они будут стоять с кнутом и покрикивать: «Эй, ты, русская свинья!..»

Есть у нас дураки, которые говорят: «Моя хата с краю». А их хаты тем временем горят, подожженные немецкими бомбами. В этой войне нет нейтральных стран. В этой войне нет нейтральных сердец. Немцы ворвались в наш дом, они хотят, чтобы мы жили по их указке. Россия много испытала на своем веку. Но никогда она не жила по прихоти чужеземца.

Мы должны пристыдить равнодушных: хорошее слово жжет, как каленое железо. Мы должны сказать: в этой войне нет фронта и тыла, в этой войне все на фронте.

Мы должны разбудить благодушных ротозеев. Мы должны, как угар, выветрить чиновничье благодушие. Страну спасут героизм, суровая правда и беззаветный труд. Мы должны сказать тыловым маниловым: довольно слать исходящие из отдела в отдел. Шлите лучше поезда из города в город. Шлите поезда на фронт. Позаботьтесь о семьях красноармейцев. Приютите миллионы людей, лишившихся крова. Работайте по восемнадцати часов в сутки. Соберите картошку. Уничтожьте бессмысленные очереди. Не отнекивайтесь: бывают времена, когда героями становятся лучшие, теперь каждый обязан быть героем.

Мы должны приободрять малодушных, разоблачать немецких агентов, помогать разобрататься отсталым. Слово — та же пуля. Слово может поднять на ноги деревню. Слово может убить вражеского провокатора. Слово может вдохнуть бодрость в дивизию.

Князь Пожарский был военным человеком. Козьма Минин был мясником из глубокого тыла. Они оба спасли Россию.

Рука немцев забралась глубоко в наш мешок. Немецкий журналист Рудольф Кирхер пишет в газете «Франкфуртер цейтунг» 26 октября: «Завоевание России разрешает для нас колониальную проблему». Да, у себя дома они не лицемерят.

Они открыто говорят, что наша земля для них — колония. Россия — колония немцев. От этих слов кровь кидается к лицу. Гнев сжимает горло. Не допустим мы этого!

Рука немцев в нашем мешке. Отрубим руку вора. Благоговейно прислушивается Россия к голосу подмосковных батарей. Не затем мы строили новую Москву, чтобы немецкие бомбы калечили любимый город. Они заплатят за каждый дом, за каждый камень. Смерть равнодушью, — говорим мы. На севере маленький гарнизон Ханко пятый месяц отбивает атаки врага. Настанет день, эти герои пройдут по всей стране. Смогут ли выдержать их взгляд равнодушные, которые в те дни, когда Россия истекала кровью, думали о своем крохотном благополучьи?

Доблестно дерутся защитники Москвы. Враг напрягает последние силы. Все теперь зависит от одного: нашей выдержки. Если мы дрогнем, нас будут проклинать наши дети, изнывая под немецким игом. Если мы выстоим, наши дети будут жить свободной и мирной жизнью. Они будут жить лучше, чем жили мы. Они скажут: в страшный сорок первый год русский народ отстоял Россию.

Октябрь 1941

МЫ ВЫСТОИМ!

Еще недавно я ехал по Можайскому шоссе. Голубоглазая девочка пасла гусей и пела взрослую песню о чужой любви. Там теперь говорят орудия. Они говорят о ярости мирного народа, который защищает Москву.

Еще недавно я писал в моей комнате. Над моим столом висел пейзаж Маркэ: Париж, Сена. В окно золотая, березовая виднелась Москва. Этой комнаты больше нет: ее снесли немецкие фугаски. Я пишу эти строки впопыхах: пишущая машинка на ящике.

Большая беда стряслась над миром. Я понял это в сентябре 1939 года, когда беспечный Париж вдруг загудел, как развороченный улей. Каждому народу, каждому человеку суждено в этой беде потерять уют, добро, покой. Мы многое потеряли, мы сохранили надежду.

Надевая солдатскую шинель, человек оставляет теплую, косматую, сложную жизнь. Все, что его волновало вчера, становится призрачным. Неужели он вчера гадал, какой покрывалкой обить кресло, или горевал о разбитой чашке? Россия

теперь в солдатской шинели. Она трясется на грузовиках, шагает по дорогам, громыхает на телегах, спит в блиндажах и теплушках. Здесь не о чем жалеть! Погиб Днепрогэс, взорваны прекрасные заводы, мосты, плотины. Вражеские бомбы сожгли древний Новгород. Они терзают изумительные дворцы Ленинграда. Они ранят нежное тело красавицы Москвы. Миллионы людей остались без крова. Ради права дышать мы отказались от самого дорогого, каждый из нас и все мы — народ.

Москва теперь превратилась в военный лагерь. Она может защищаться, как крепость. Я видел защитников Москвы. Они хорошо дерутся. Земля становится вязкой, когда позади тебя Москва, нельзя отступить хотя бы на шаг. Враг торопится. Он шлет новые дивизии. Он говорит каждый день: «Завтра Москва будет немецкой». Но Москва хочет быть русской, и Москва не сдастся.

Что ищет Гитлер, врезаясь в тайники нашей страны? Может быть, он надеется на капитуляцию! У нас есть злые старики, у нас нет Петэнов, и воры у нас есть, но нет у нас Лавалей. Россия, пошедшая по дорогам, вдвойне страшнее России оседлой. Горе нашего народа обратится на врага.

Я ничего не хочу приукрашивать. Русский никогда не отличался методичностью немцев. Но вот в эти грозные часы люди, порой бесшабашные, порой рыхлые, сжимаются, твердеют. Наши железнодорожники показали себя героями: под бомбами они вывозили из городов заводы и склады. За Волгой, на Урале работают эвакуированные цеха. Ночью устанавливают машины. Рабочие зачастую спят в морозных теплушках и, отогревшись у костра, начинают работать. В авиашколах учатся юноши, через несколько месяцев они заменят погибших героев. В глубоком тылу формируются новые мощные армии. Народ понял, что эта война — надолго, что впереди годы испытаний. Народ помрачнел, но не поддался. Он готов к самым страшным лишениям. Война сейчас меняет свою природу, она становится эпопеей народа. Теперь все поняли, что дело идет о судьбе России — быть России или не быть. «Долго будем воевать», — говорят красноармейцы, уходя на запад. И в этих горьких словах — большое мужество, надежда.

Нельзя оккупировать Россию, этого не было и не будет. Россия всегда засасывала врагов. Русский обычно беззлобен, гостеприимен. Но он умеет быть злым. Он умеет мстить, и в месть он вносит смекалку, даже хозяйственность. Мы знаем, что немцев теперь убивают под Москвой, но немцы знают, что их убивают и за Киевом. Слов нет, Гудериан умеет маневрировать, но и ему не усмирить крестьян от Новгорода до Таган-

рога. Германская армия продвигается вперед, но позади она оставляет десятки, сотни фронтов.

Россия особая страна. Трудно ее понять на Вильгельмштрассе. Россия может от всего отказаться. Люди у нас привыкли к суровой жизни. Может быть, за границей стройка Магнитки и выглядела, как картинка, на самом деле она была тяжелой войной. Неудачи нас не обескураживают. Издавна русские учились на неудачах. Издавна русские закалялись в бедствиях. Мы сможем исправить наши недостатки. Но и со всеми нашими недостатками мы выстоим, отобьемся. Тому порукой история России. Тому порукой и защита Москвы.

Может быть, врагу удастся еще глубже врезаться в нашу страну. Мы готовы и к этому. Мы не сдадимся. Мы перестали жить по минутной стрелке, от утренней сводки до вечерней. Мы перевели дыхание на другой счет. Мы смело глядим вперед: там горе и там победа. Мы выстоим — это шум русских лесов, это вой русских метелей, это голос русской земли.

Октябрь 1941

ЖИЗНЬ ИЛИ СМЕРТЬ

Адъютант генерала Гудериана лейтенант Горбах был убит в боях возле Погара. В кармане лейтенанта нашли неотправленное письмо. Рядом с пустым бахвальством («через десять дней мы сомкнем кольцо вокруг Москвы в Туле») в письме имеются ценные признания. Лейтенант пишет:

«Вы спрашиваете, какого я мнения о русских. Могу только сказать, что их поведение во время боя непостижимо. Не говоря о настойчивости и хитрости, самое примечательное у них — это невероятное упрямство. Я сам видел, как они не двигались с места под сильнейшим артиллерийским огнем. Брешь тотчас заполнялась новыми рядами. Это звучит неправдоподобно, но я это видел часто своими глазами. Это — продукт большевистского воспитания и большевистского мировоззрения. Жизнь отдельного человека для них ничто, они ее презирают»...

Немецкий лейтенант прав, говоря о беспримерной храбрости наших людей, об их священной стойкости, которую он именуется «упрямством». Но не дано гудериановскому адъютанту понять душу наших людей. Он смеет рассуждать о человеке! Да в его Германии нет людей, там только машины, автоматы, роботы. А наши бойцы — живые люди. Один не похож на другого. Позади у каждого своя молодость, свое тепло, своя любовь. Но всех нас вяжет в одно — любовь к свободе, привязанность

к родине, чувство человеческого достоинства. Мы знаем, что такое настоящая жизнь, жизнь во весь рост, жизнь в полный голос. Эта жизнь настолько прекрасна, что ради нее каждый боец готов отдать свою жизнь.

Против нас идут кавалеры черепа. От них веет могильным тленом. И вот один из этих служителей смерти говорит, что мы презираем жизнь. Слепец — он видел, как русские идут в бой, он видел, как русские не боятся огня, и он не понял одного: не жизнь мы презираем — смерть. И, если будет нужно, каждый из нас примет смерть ради жизни, ради счастья наших детей, ради чести нашей земли.

В суровые дни испытаний, глядя смерти в глаза, мы присягаем на верность живой жизни.

Октябрь 1941

ИСПЫТАНИЕ

Ветер гасит слабый огонь. Ветер разжигает большой костер. Испытание не задавит русского сопротивления. Испытание его разожжет. Мы не отворачиваемся от карты: мы видим Украину, захваченную врагом, немцев под Ленинградом, немцев под Москвой, немцев под Ростовом. За этими словами скрыта страшная беда: сотни разоренных городов, миллионы поработанных людей. Мерзавцы в Берлине обсуждают, под каким именем включить Украину в Германию. Вшивый румынский скрипач Антонеску гарцует по улицам Одессы. Как это вытерпеть? А бомбы впиваются в нашу гордость, в нашу любовь — Москву...

И вот сжимаются сердца. Глаза блестят от гнева. Растет сопротивление. Попрежнему героически держится Ленинград. Защитники Москвы изумляют мир своей доблестью. В тылу готовится мощная армия. Киевские, харьковские, днепропетровские заводы работают среди полей Заволжья и Урала. Наспех расставили станки. В тесноте работают рабочие: делают самолеты, автоматическое оружие, моторы. Враг в Донбассе. Но у нас Кузнецк, Караганда. Враг захватил Кривой Рог. Но у нас Магнитка, у нас мощные заводы Урала. У нас еще много земли, много нив, много станков.

Наши враги вынуждены признать отвагу бойцов и командиров Красной Армии. Почему же мы отступали? Почему отдали немцам цветущие области, дорогие нам города? На том или ином участке фронта у врага оказывалось численное превосходство. У нас народу вдвое больше, чем у немцев, но у немцев больше танков, — они могут легче маневрировать.

Пятнадцать лет тому назад мы начали строить заводы. Наша промышленность — молодая. Пятнадцать лет тому назад в Германии уже была сильная военная промышленность. Гитлер построил сотни новых военных заводов. Гитлер захватил Европу. Теперь на немцев работают заводы Франции, Чехии, Бельгии. У немцев оказалось больше моторизованных частей, и они врезались в сердце нашей страны.

Однако каждый день наши летчики и артиллеристы уничтожают немецкие моторы и танки. Однако каждый день по трем океанам плывут к нам из Америки, из Великобритании сотни новых моторов и танков. К весне у нас будет больше моторизованных частей, нежели у немцев. Гитлер это знает. Он хочет победить до весны, мы должны помнить: каждая отбитая атака, каждый выигранный день приближает нас к тому часу, когда мы будем сильнее немцев. Выстоять — вот наш долг.

Наши юноши привыкли к чересчур легкой жизни. Широко раскрывались перед ними двери школы. У нас не человек искал работу, работа искала человека. И многие у нас привыкли к тому, что за них кто-то думает. Теперь не то время. Теперь каждый должен взять на свои плечи всю тяжесть ответственности. Во вражеском окружении, в разведке, в строю каждый обязан думать, решать, действовать. Не говори, что кто-то за тебя думает. Не рассчитывай, что тебя спасет другой. Тебе дана высокая честь — защитить родину. Ты не ребенок — ты муж. На тебя с доверием смотрит страна. Не уклоняйся от ответственности. Не уклоняйся от инициативы. У тебя есть оружие — винтовка, у тебя есть другое оружие — голова. Немцы — это автоматы. Ты — человек. Не забывай об этом ни на минуту.

Русские любят свободу. Никогда не заставят их пруссаки маршировать, как гусей. Но свобода это не беспорядок. Трудно было приучить москвичей переходить улицу по гвоздям. На войне ничего нет страшнее беспорядка. Противотанковые рвы хорошее дело. Но есть рвы поглубже: это железная дисциплина. Она не пропустит врага вперед.

Враг напал на нас исподтишка. Страшной была та короткая июньская ночь, и дорого она нам обошлась. Мы должны истребить беспечность. Быть всегда на-чеку. Нет спокойного участка. Враг может ударить внезапно. Нет мирного тыла. Враг может совершить налет, сбросить десант, прорваться вглубь. Проверь любой путь. Проверь любое слово. У врага хорошая разведка. У него опытные шпионы. Стой и молчи. Молчание это оружие. Иногда оно стоит сражения.

Голодные, жадные немцы рвутся дальше. Их соблазняют магазины и квартиры Москвы. Они хотят зимовать в домах с

центральным отоплением. Они хотят есть котлеты. Их нужно остановить. Их нужно хорошенько проморозить. Их нужно продержать в русских лесах на немецкой колбасе из гороха. Этот режим для них полезен — к весне они поумнеют.

Английские летчики каждый день крошат немецкие города. Народы Европы готовятся к восстанию. Русские, украинцы, белоруссы в захваченных врагом областях не складывают оружия. Друзья, мы должны выстоять! Мы должны отбиться. Когда малодушный скажет: «лишь бы жить», ответь ему — у нас нет выбора. Если немцы победят, они нас обратят в рабство, а потом убьют. Убьют голодом, каторжной работой, унижением. Чтобы выжить, нам нужно победить. Если честный патриот хочет спасти родину, он должен победить. Если малодушный хочет спасти свою шкуру, он тоже должен победить. Другого выхода нет.

Россию много раз терзали чужеземные захватчики. Никто никогда Россию не завоевывал. Не быть Гитлеру, этому тирольскому шпику, хозяином России! Мертвые встанут. Леса возмутятся. Реки проглотят врага. Мужайтесь, друзья! Идет месяц испытания, ноябрь. Идет за ним вслед грозная зима. Утром мы скажем: еще одна ночь выиграна. Вечером мы скажем: еще один день отбит у врага. Мы должны спасти Россию, и мы ее спасем.

Октябрь 1941

ОГОНЬ ПО НЕМЕЦКИМ ОККУПАНТАМ!

В Берлине было задумано большое торжество: собрали «союзников» Германии. Предполагалось, что Гитлер сообщит им о взятии Москвы. Программу праздника пришлось в последнюю минуту переменить. Москву немцы не взяли, и Гитлер решил, что не стоит зря показываться перед своими лакеями. «Союзникам» выдали бывшего коммивояжера, сбывавшего скверное шампанское, Иоахима фон Риббентропа.

Фон Риббентроп — первый наглец Германии. Когда он был послом в Англии, англичане пробовали убить его иронией. Ему говорили: «Вы настоящий джентльмен». Фон Риббентроп не смущался, он развязно отвечал: «Ja wohl» — «конечно», наступая при этом собеседнику на ногу. Фон Риббентроп умеет быть любезным — когда нужно сбыть поддельное вино или выдать мобилизацию за сельское празднество. Он умеет и дерзить. Это ловкий мужчина. Он купил себе дворянское звание, накрал несколько миллионов, перевел их в Америку

и живет припеваючи. Когда Гитлера побьют, фон Риббентроп уедет в Рио де Жанейро и будет там торговать коньяком и сигарами.

Перед лакеями фон Риббентроп был великолепен. Он сначала расхвалил свою челядь. Вшивые румыны у него стали легендарными героями, маршал Маннергейм — пасхальным агнцем. Потом фон Риббентроп начал ругаться. Он обличал всех — президента Рузвельта, Черчилля, англичан, особенно он поносил русских. Его слова о русском народе настолько живописны, что их стоит выписать: «русский человек — туп, жесток и кровожаден. Он не понимает радости жизни. Ему неизвестны понятия прогресса, красоты и семьи»...

Ай да Риббентроп! Какой он прыткий в берлинской лакейской! Как он отважно нападает на русских — у себя, дома, подальше от наших красноармейцев! Как ловко жонглирует словами этот разбитной коммивояжер!

Мы не знаем прогресса? Кто это говорит? Министр государства, которое гордится тем, что в середине двадцатого века оно возродило десятый век. Прогресс гитлеровцев? Да, это знатный прогресс! В 1941 году они воскресили обычаи своих предков, диких германцев. Они ввели палача с топором, дуэли на молотах — один прогрессист разбивает голову другому, ауто да фе для нечестивых книг, еврейские погромы и «расовую теорию». Эти ревнителю прогресса выбросили из своей страны самого крупного ученого нашего времени Эйнштейна. Они сожгли сотни тысяч книг. После Дарвина они вернулись к генеалогическим деревьям. Они оскопляют чехов, — так дикари на заре человечества оскопляли врагов. Они ввели экономику кочевников, которые вытапывали страны. Они превратили Европу в пустыню. Они поклоняются языческому богу Вotanу. Они приносят ему и его первосвященнику, тирольскому шпику Гитлеру, кровавые жертвы. Вновь над Европой черная смерть и ужас тысячного года, когда люди суеверно ждали светопреставления. Вот их прогресс!

Красота? О какой красоте смеют говорить эти люди? Они сожгли музей Франции — Руан. Они сожгли Новгород. Они выкинули из немецких музеев самые прекрасные картины. Их красота — это лягушачьи ляжки Геббельса, это пирамиды из черепов, это распоротые животы полек и сербок. Кто посягнул на красоту мира, на древнюю Грецию? Друзья фон Риббентропа, банда механизированных мешочников. Нет города уродливей, чем столица гитлеровской Германии с ее пузатыми бюргерами, с ее обер-лейтенантами, морды которых изрублены на дуэлях, с ее толстозадными валькириями и пауком-свастикой на фасадах.

Семья? Погодите, кто говорит о семье? Начальники случайных пунктов? Тот же Геббельс, публично избитый за блуд? Доктор Лей, который насилует девочек? Или может быть, господа ефрейторы, которые устраивают в наших городах публичные дома и оскверняют наших женщин?

Фон Риббентроп назвал наш народ тупым и жестоким». Было бы обидно, если бы этот прохожий хвалил наш народ. Народ, который до всего дошел своим умом, русский народ, народ Ломоносова, народ самоучек назвали «тупым». Как здесь не посмеяться? Наш народ дал миру величайших ученых, чьи книги читали немцы до того дня, когда Гитлер приказал своему народу стать народом дураков. Может быть, немцы в 1932 г. читали романы Геббельса или «философские» опусы мошенника Розенберга? Нет, они читали Толстого и Достоевского, Чехова и Горького. Русские — «тупой народ»? Мы многое придумали. Мы придумаем, как получше перебить этих прогрессивных погромщиков, тупых и зазнавшихся фашистов. Есть у нас изобретатели. Может быть, весной какая-нибудь тупая бомба свалится на острую голову фон Риббентропа — надумаем и это.

Фон Риббентроп говорит, что мы — жестокий и кровожадный народ». Это говорит гитлеровец, то есть представитель племени, уничтожившего десятки миллионов людей. Что думают о гуманности фон Риббентропа польские вдовы и сербские сироты? Русские были мирным, может быть чересчур мирным народом. Лев Толстой жил не в Берлине. Братство народов люди провозгласили не в Потсдаме. Когда Германия голодала, мы слали немецким рабочим хлеб. Фон Риббентроп об этом не помнит: он тогда спекулировал на французском шампанском. Теперь мы решили перебить всех немцев, которые ворвались в нашу страну, как оккупанты. Мы их не хотим мучить или пытаться. Мы попросту хотим их уничтожить. Это гуманная миссия. Она выпала на долю нашего народа. Мы продолжаем дело Пастера, который открыл сыворотку против бешенства. Мы продолжаем дело всех ученых, наших способных уничтожения смертоносных микробов. Во имя прогресса, красоты, семьи, русский народ, — огонь по немецким оккупантам!

Ноябрь 1941

ВЫГОНИМ!

Мороз стучит молотком по деревьям. Это гробовщик забывает немецкие гроба. Москва рядом, но Москва остается недоступной. Гитлер подбадривает своих солдат. Он не завоевал

Россию, но он объявляет: «Россия завоевана». Остается одно — назначить правителей, и Гитлер щедро раздает вакантные должности.

Правителем России — «имперским министром» для восточных областей назначен старый мошенник, балтийский барон герр Альфред фон Розенберг. Он вырос в России, ел русский хлеб, а потом, вернувшись как волк в свой немецкий лес, начал науськивать немцев на Россию. Теперь гитлеровцы произвели его в «повелителя России». Ему поручили истязать жителей Киева, издеваться над древностями Новгорода и вешать рабочих Днепропетровска.

Вы слышите, друзья, Альфред Розенберг — повелитель России! После Петра и Ленина, после Ломоносова, Пушкина, Гоголя, Толстого, после Менделеева и Павлова — Альфред первый, поганый остзейский барон...

Заместителем Розенберга назначен доктор коммерции Альфред Мейер. Этому под-Альфреду пятьдесят лет. Во время мировой войны он быстро сдался в плен французам. Французы его кормили сдобными булками. Альфред Мейер потом облизывался, вспоминая французские «бриоши». Он отплатил за булочки французам — четверть века спустя грабил оккупированную Францию, изымался над французами, прихорашиваясь, кричал француженкам: «Мадам, не сопротивляться!» Этот доктор коммерции, мародер и палач послан в захваченные области России. Альфред Розенберг сидит в Берлине и придумывает, Альфред Мейер на месте осуществляет.

Два Альфреда назначили двух гаулейтеров. Первый «гау» называется «Остланд», в него входят Эстония, Латвия, Литва и Белоруссия. Гаулейтером Остланда назначен Генрих Лозе. Мы знаем, что ловкач Лозе набил руку на ограблении датчан. В Абенроде он обворовал все дома. Его называли «шлезвигским хорьком». Генрих Лозе принимал живейшее участие во всех спекуляциях. Он был руководителем «Нордгандельсгезельшафт» — хорек неплохо зарабатывал.

Второй гау — Украина. Туда гаулейтером назначен Эрих Кох. Этот герр промышлял прежде в Восточной Пруссии и считается специалистом по разорению крестьян. Запойный пьяница и драчун. В Кенигсберге публично изувечил некоего Вольфа.

Вот вкратце послужные списки гитлеровских наместников. Уголовники, палачи, настоящие эсэсы, они посланы на развалины русских городов, чтобы пытать и вешать русских женщин. Гау — по-русски так собака лает. На гитлеровском языке это — область. Гитлер хочет, чтобы мы ходили под гаулейтерами. Собака лает, ветер носит... Может быть, найдутся

для драчуна Коха партизанские вилы. Может быть, найдется для прохвоста Лозе партизанская пуля. Дойдет дело и до российского кайзера Альфреда первого, он же барон Розенберг, он же автор «Мифа двадцатого века» и дока по изготовлению фальшивых червонцев. Противно, что приходится писать о такой мрази. Но погодите, бароны! Придет ваш час. Не быть России под Розенбергом! Не быть под Альфредом, не быть под немчурой! Тешьте, подписывайте рескрипты, назначайте гаулейтеров. Наберемся с силами и выгоним.

Ноябрь 1941

ШЕЛК И ВШИ

В каждом немецком городке теперь ходят женщины с глазами, припухшими от слез. Их мужья убиты под Ленинградом, под Москвой, под Ростовом. Кто знает, о чем они думают в бессонные ночи. Может быть, они вспоминают счастливое время, когда мужья присылали им веселые открытки о победах, французские духи и греческие пряности. Может быть, вдовы проклинают Гитлера, разорившего не только сотни европейских городов, но и миллионы немецких семей.

Наряду со вдовами в каждом немецком городке еще ходят жены. У них тоже блестят глаза — не от слез, от голода. Они ждут писем с фронта. Не только писем — посылок. Больше писем они ждут сала или колбасы. Они ждут также чулок и ботинок. Эти еще ничего не поняли. Для них война — универмаг: мужья пошли за покупками. У них жадные глаза — у всех этих Эльз, Эмм и Гертруд. Они мечтают о свином окороке, о беличьей шубе, о шелковых чулках. Однако они не брезгуют ничем. Среди последних писем, найденных у убитых немецких солдат, некоторые поражают нищенской правдой.

Из письма солдату Капгеферу от жены, проживающей в Нейкирхене:

«... Посылку с веником и шваброй мы получили. Веник хо-рош и сделан, повидимому, еще в мирное время. Мама ему больше всего обрадовалась, он ведь нужен каждый день, а здесь его не достанешь»...

Из письма солдату Костерсу от жены, проживающей в Герне близ Аахена:

«... У меня к тебе еще просьба — если можно достань мне шпагата. Здесь его нет»...

Вот до чего довел Гитлер немецкий народ! Из страны передо-

вой цивилизации раздается вопль: пришли веник, пришли шпагат. Священный поход за шваброй. Героические бои за бечевочку. Всю Европу они обошли, все страны обшарили. Сожгли, разрушили, сожрали, сносили, и вот, обнищавшие, они умирают ради веника...

Имеются среди этих нищих фантазерки, которые не унимаются. Они думают, что снова повторится лето сорокового года — грабеж Франции. Гертруда Гольман пишет своему жениху Густаву Рейзенбергу: «Пришли мне розового шелка на блузочку и на рубашонку. Это моя давнишняя мечта»...

Глупая немецкая кукла. Ее Густав убит. Он лежит среди сугробов возле Волхова. Кругом ни магазинов с шелком, ни домов, ни изб. Снег — белый и равнодушный. И лицом в снег — мертвый Густав.

А живые Густавы больше не думают о посылках. Им не до «невест». Возле маленького костра они сидят, замороженные теплом. Они лезут на огонь, как мошқара. Они жгут худые свои шинели. Они суеверно ежатся, думая о крещенских морозах. Они падают замертво от огня, уже полумертвые от холода. Промерзшая земля их не принимает. Они будут лежать до весны, как мясо в холодильнике. Они — рядом с живыми. И живые дрожат, дрожат и чешутся. Вот письмо, которое написал накануне смерти солдат Франц Цебет своей жене:

«...Я не знаю, как спастись от вшей. В куртке столько вшей и гнид, что ее страшно надеть. А моя рубашка — это попросту лужа крови». Франц Цебет пишет о зиме, о немецком рождестве, шлет привет родным и вдруг, шутя, приписывает: «Не прислать ли вам наших вшей?»

Это немецкий юмор зимы 1941 года. «Пришли мне розового шелка на рубашонку», щебечет Гретхен. Франц в ответ гнусавит: «А вшей не хочешь?» Тыл еще мечтает о швабре. Фронт задыхается среди вшей и кала. Тыл еще рассуждает о победах. Фронт вопит: нам холодно. Мы не хотим больше побеждать — мы умираем от побед. Мы замерзаем от триумфов. Мы дохнем в снегах, как плешивые голодные волки. И только вши еще едят стынувшее тощее тело...

Декабрь 1941

ОБЕР-МОГИЛЬЩИК

Некоторые говорят: «Гитлеру все удастся». Слов нет, тирольский маляр сделал большую карьеру: он обманул и поработил немецкий народ, он завоевал десять государств. Однако, пора сказать, что не все Гитлеру удается.

Гитлер хотел блефовать, шантажировать, воевать, не воюя, отбирать страны угрозами. Он дорвался до войны. Он хотел въехать в Лондон и в Москву, как он въехал в Прагу. Вместо этого он получил войну и какую! Нет теперь в Европе страны, где не росли бы деревянные кресты над убитыми немцами. Уже восемьсот дней воюет Германия, и конца не видно ее войне.

Гитлер хотел воевать так, чтобы вся тяжесть войны падала на его противников. В начале войны Геринг горделиво сказал: «Ни одна вражеская бомба не упадет на немецкую землю. Я за это отвечаю». Вряд ли жители Кельна и Мюнстера, Гамбурга и Бремена утешатся, вспомнив речь Геринга. Десятки немецких городов разгромлены. Наши летчики и английские не забыли столицу Германии — Берлин. Гитлер хотел кататься по освещенным улицам, среди триумфальных арок и восторженной толпы. Он торопливо несется мимо развалин и трупов.

Гитлер хотел завоевать Англию. Он изучал план Лондона. Он выбирал площадь для большого парада. Он согнал миллионы солдат к портам Ламанша. Его солдаты в мечтах уже заказывали себе английские костюмы и курили английские трубки. Они до сих пор ходят в немецких костюмах из деревянной трухи и курят немецкий табак — из капусты.

Гитлер хотел покорить море. Он строил крейсера и подводные лодки. Он уверял, что возьмет Англию измором. Он посылал коммивояжеров в Бразилию и в Чили. Он видел себя императором двух полушарий. Но англичане едят австралийское мясо и канадскую пшеницу. А немецкий флот жметя к берегу, отсиживается в Киле. Море осталось для врагов Гитлера открытой дорогой. Море сделалось для Гитлера тюремной стеной.

Гитлер хотел договориться с завоеванными народами. Он посадил в Норвегии Квислинга, и слово «квислинг» тотчас стало ругательством. Он заигрывал с французами. Он отобрал себе пол-Франции, зато он подарил французам прах сына Наполеона. Французы ответили на речи Гитлера выстрелами. Гитлер начал во Франции с улыбок. Теперь он должен расстреливать французских заложников. Гитлер думал, что Югославия будет его союзником. Когда югославы встали на защиту отечества, Гитлер расвирепел и сжег Белград. Потом он попробовал обласкать хорват. Но хорваты уходят в горы и бьют немецких захватчиков. Гитлеру не удалось укротить ни голландцев, ни бельгийцев, ни поляков, ни греков. Он хотел сделать из Европы цветущую колонию для немцев. Европа обратилась в пустыню. Он хотел, чтобы все народы работали

на немцев. Он добился одного: все народы в горе и в нищете проклинают Германию.

Гитлер хотел договориться с Америкой. Он брал себе только полмира. Он пробовал льстить американцам. Он слал в Соединенные Штаты искусных провокаторов и благовоспитанных шпионов. Он ласково шептал: «Америка для американцев. Европа для меня». Сладкие речи он подкреплял подводными лодками. Он одновременно льстил и угрожал. Америка ответила ему не только словами. Америка ответила ему скрежетом зубовным всех своих заводов. Из Америки идут к берегам Англии и России транспорты: самолеты и танки, танки и самолеты. Он хотел, чтобы с ним была вся Европа. Против него оказалась не только вся Европа. Против него оказалась и вся Америка.

Гитлер метался, как затравленный зверь. Он слал в Англию бомбардировщики, которые убивали английских детей. Потом он послал в Англию медоречивого Гесса. Гесс полетел налегке, без бомб, даже без зимнего пальто... Гитлер хотел договориться с Англией. Гитлер протягивал свою окровавленную руку. Внуки Питта не наивные девушки. Рука Гитлера повисла в воздухе.

Гитлер хотел «молниеносно» завоевать Россию. Он рассчитывал быть в Москве пятнадцатого августа. Потом торжество перенесли на сентябрь. Потом Гитлер решил устроить парад седьмого ноября на Красной площади. Парад был 7 ноября на Красной площади, но Гитлера на нем не было. Гитлер хотел пройти по России, как он прошел по Европе, — без жертв. Русские поля покрылись немецкими крестами. Гитлер боялся июльского зноя — у немецких ефрейторов нежная кожа. Теперь эти ефрейторы узнали, что такое русская зима. Теперь Гитлер говорит, что он не любит молниеносных войн. Зачем торопиться? Он, дескать, не торопится. Гитлер хотел нестись, как лань. Последние недели он идет, как черепаха. Надо надеяться, что вскоре он пойдет, как рак.

Гитлер хотел сломить наше сопротивление, если не бомбами, то речами, хитростью, провокацией. Он пробовал науськивать колхозников на рабочих. Он поднял против себя весь советский народ. Он выкормил мстителей. Он заставил русских детей хватать ручные гранаты. Он разбудил ружья русских стариков. Он хотел заговорить Россию. Он ее разъярил.

Он хотел, как Наполеон, войти в Египет. Он остановился на пороге Египта. Он думал, что его союзники итальянцы побьют рекорд по легкому боксу. Они побили рекорды по легкому бегу.

Гитлер думал, что он найдет у нас хлеб и соль, пшеницу и сало, оборудованные заводы и уютные квартиры.

Немцы нашли у нас пустые амбары, взорванные верфи, сожженные корпуса заводов. Вместо домов они завоевали щебень и сугробы.

Гитлер хотел накормить свой народ синтетической колбасой, химическими сосисками, лабораторными котлетами. Но немецкий народ отошал. Он мечтает о настоящей догитлеровской колбасе. Ему снятся стародавние веймарские сосиски. Гитлер сказал, что сорок первый год будет годом окончательной победы Германии, что новый сорок второй год немцы встретят в залитых светом городах под звуки победных литавр. Сорок первый год принес немцам миллионы могил. Сорок второй они встретят в темных городах среди развалин. Они будут уныло жевать синтетическую колбасу. Миллионы вдов скажут: «Гитлер убил моего мужа». Миллионы сирот спросят: «Гитлер, где отец?» Не литавры зазвонят, — сирены. Германия еще узнает всю меру горя!

Гитлер хотел быть Наполеоном. Но кто он? Директор страшного бюро похоронных процессий, пьяный факельщик, обермогильщик Германии. Кому роет могилу тирольский шпик? Еще миллиону немцев — под Москвой и под Ростовом, под Ленинградом и под Севастополем. Кому роет могилу этот бездарный маляр? Германии.

Ноябрь 1941

БЛИЗИТСЯ ЧАС

Мы не зря пережили тяжкую осень. Мы не зря узнали горечь отступления. Мы закалились. Мы научились бить немцев. За Ростовом — Тихвин, за Тихвином — Елец, за Сталиногорском — Истра, за Истрой — Калинин.

Не все им кататься в танках, не все пировать. Нашлась управа на немчуру. Завоеватели Парижа удирают из Ливен. «Герои» Фермопил теряют штаны в Алексине. Затаив дыхание, мир смотрит, как «непобедимая» германская армия откатывается от Москвы.

Это только начало. Мы знаем, что впереди еще много испытаний. Проклятый гитлеряга получил по носу. Но от щелчков такие не дохнут. Гитлеряге придется расшибить голову. Путь наступления — долгий путь: деревня за деревней, дом за домом. Немцы понимают, что их ждет. Они будут отчаянно защищаться. Они еще не раз попытаются прорвать наш фронт и перейти в контрнаступление. Они налепили на лоб пластырь и спесиво почесывают зад. Они пишут: «Русские

просто заняли пункты, очищенные нами по соображениям высшей стратегии».

Нет, мы не «просто» заняли Ростов и Тихвин. Пришлось преварительно перебить десятки тысяч немцев. Да и фашисты не «просто» очищали наши города. Они пробовали удержаться. Их выгнали из Клина. Их выбили из Калинина. «Высшая стратегия»? Объяснение для немецких остолопов. Когда выполняются стратегические операции, не бросают орудий, — орудия не окурки, не теряют танков, — танки не булавки. Пускай фрицы утешаются «высшей стратегией». Гитлер может выдать фельдмаршалу Рунштедту орден за очищение Ростова. Он может подарить фельдмаршалу фон Леебу золотую шпагу за бегство из Тихвина. Он может осыпать бриллиантами мундир фельдмаршала фон Бока за Клин, за Калинин, за Сталиногорск. Он может сказать, что климат Ростова вредоносен для немцев, что гитлеровцы, поглядев в бинокль на Москву, нашли ее мало привлекательной, он может сказать, что, когда зимний ветер дует в спину это приятней, чем когда он дует в лицо. Битый шут еще может хорохориться. Важно начало: наши бьют немцев.

Слушайте, славные защитники Севастополя: немцы умеют удирать. Слушайте, украинцы: скоро черед Харькову. Смотрите, бойцы далекого Мурманска: у немцев не только танки, у них есть пятки, и эти пятки красиво сверкают. Дыши свободней Ленинград: кольцо вокруг тебя разжимается.

У немцев еще сотни дивизий. У немцев еще тысячи и тысячи танков. Немцы еще топчут наши богатейшие области. Они еще жрут и спят в наших чудесных городах. Но что-то треснуло в их проклятой машине. Поглядите — немец уже не тот. Его глаза бегают. Его сердце, трусливое и наглое, беспорядочно бьется. В его тупую квадратную голову закрались первые сомнения. Нелегко его будет добить. Но теперь даже дураки видят, что мы его добьем.

Полгода рыскали бешеные волки по нашей земле, по нашим городам. Близится час облавы.

Декабрь 1941

СОЛНЦЕВОРОТ

Это было в солнцеворот. Самая короткая ночь в году прикрывала злодеяние немцев. Мы знаем теперь, как это было, — по сотням немецких дневников, по рассказам пленных. Дивизии Гитлера были подготовлены к нападению. Немцы нетерпеливо перебирали ногами: их манила богатая и сытая страна. Сигналь-

ные ракеты прорезали теплую ночь. Раздались первые выстрелы. Немецкие самолеты бомбили наши города. Это было в ночь на воскресенье. Одни мирно спали, другие развлекались в клубах, на вечеринках... Немцы напали исподтишка, прилетели на яркие огни городов, ползли, как гады, в нескошенной траве, переплывали пограничные реки, убивали безоружных жителей.

Это было полгода тому назад. Всего полгода... Нам кажется, что это было сто лет тому назад: на войне день становится годом.

Вспомним — мы были тогда молодыми. Мы многого не понимали. У нас тогда были седые люди с детской душой. Теперь у нас и дети все понимают. Мы выросли на сто лет. Ничто так не возвышает народ, как большое испытание. Нашу верность проверили каленым железом. Нашу гордость испытали танками и бомбами. Мы выкорчевали из сердец беспечность. Мы выжгли малодушие. Легко мы расстались с уютом и покоем. Шли месяцы. Враг продвигался вперед. Жестче становились глаза. Люди молчали. Но молча они думали об одном: мы выстоим.

Все короче становились дни. Вот и новый солнцеворот. Самая длинная ночь в году покрыла снежные просторы. По белому снегу среди черной ночи идут наши бойцы. Они идут вперед. Они преследуют отступающего врага. Мы выстояли.

Немногие из немецких солдат, перешедшие 22 июня нашу границу, выжили. Шесть месяцев тому назад они весело фыркали: война им казалась забавой. Они восторженно грабили первые белорусские села. Они обсуждали, какое сало лучше — сербское или украинское. Они думали, что они непобедимы. Разве они не побывали в Париже? Разве они не доплыли до Нарвика? Разве они не перешагнули через горы Эпира? Они пришли к нам посвистывая. Где они? — В земле.

На их место пришли новые. Пришли старики. Пришли подростки. Пришли калеки. Пригнали испанских каторжников. Пригнали румынский скот. Пригнали марсельских сутенеров. Пригнали босячье всей Европы. Немцы еще стреляют из автоматов. Немцы еще ранят наши города. Немцы еще пускают на нас свои танки. Но это не те немцы. Вода разъедает камень. Наше сопротивление разъело немецкую душу. Где их былая спесь? Они не поют, они дрожат от холода. Они мечтают не о московских ресторанах, но о хате, о крыше, о хлебе. Они суеверно говорят друг другу: «Зима только начинается»... Они замерзают в декабре. Что с ними станет к февралю? В ночь солнцеворота мы с усмешкой им напомним: солнце — на лето, зима — на мороз.

Мы знаем, что враг еще силен. Есть имена, которые жгут наши сердца, они не дают нам спать, они кормят нашу ненависть, они пестуют наш гнев: Киев и Харьков, Курск и Орел, Днепропетровск и Одесса, Минск и Смоленск, Псков и Новгород. Мы помним о городах-мучениках. Мщение— как вино, со временем оно становится крепче. Мы только пригубили чашу. Мы знаем, что миллионы живых немцев еще топчут нашу землю. Ни минуты передышки! Отдыхать мы будем потом. Но в ночь солнцеворота мы говорим: шесть месяцев для нас не прошли даром, мы научились бить гитлеровцев. Мы были народом на стройке. Мы стали народом на войне.

В длинные декабрьские ночи среди сугробов шли немцы. Они шли на запад. Мир увидел необычное зрелище: немцы убегали. Они убегали, теряя танки и орудия. Убегая, они жгли города. Зарево освещало немецкие трупы. В Германии они зажигали костры в честь своих побед. У нас они жгли русские города в честь своего поражения.

В эфире звучат имена наших побед: Ростов и Елец, Клин и Калинин. От Америки до Ливии, от Норвегии до Греции об одном говорят люди: немцы отступают. Выше подняли голову французы. Чаще грохочут выстрелы сербских партизан. С восхищением смотрят на Красную Армию наши друзья и союзники. Не зря древние лепили победу с крыльями: она облетает моря. Наши победы — это победы всего человечества. В тяжелые октябрьские дни, когда враг наступал, когда Гитлер готовился к въезду в Москву, мы повторяли одно: «Выстоять!» Победа не упала с неба. Мы ее выстояли. Мы ее выковали. Мы ее оплатили горем и кровью. Мы ее заслужили стойкостью и отвагой. Нас спасла высшая добродетель: верность.

Героев Ростова благодарит Париж. За героев Калинина молятся верующие сербы. Героев Ельца приветствует Нью-Йорк. Героям Клина жмут руки через тысячи верст стойкие люди Лондона. Русский народ принял на себя самый тяжкий удар. Он стал народом-освободителем.

Мы думаем в эту ночь солнцеворота о всех пионерах победы. Мы вспоминаем бойцов, которые вокруг Москвы не дрогнули под натиском танков. Мы вспоминаем прекрасный Ленинград. На его долю выпали горькие испытания. Город, который казался академией, музеем, заводом, стал крепостью.

Мы думаем о наших летчиках, о наших моряках. Мы думаем о человеке, который в летнее утро сказал нам суровые и правдивые слова, который в грозный день седьмого ноября приподнял нас своим мужеством и своей волей, который провел корабль государства через грозные штормы, мы думаем о нашем главнокомандующем, о Сталине.

Впереди еще много испытаний. Нелегко расстанется Германия со своей безумной мечтой. Нелегко выпустит пауки из своей стальной паутины города и страны. Они не уйдут с нашей земли. Их нужно загнать в землю. Их нужно уничтожить. Одного за другим.

22 декабря. Солнце — на лето, зима — на мороз. Добавим: война — на победу.

Декабрь 1941

ВТОРАЯ ВОЙНА

Передо мной письмо, найденное в штабе немецкого батальона: «Многоуважаемый господин командир.

В связи с несчастьем, постигшим нашего любимого сына, я вынуждена обратиться к вам с просьбой сообщить мне, как мог мой сын погибнуть смертью героя в Польше, когда война там давно уже закончилась? Ведь он пробыл там девять месяцев и никогда ничего не случилось.

Я надеюсь, что мой сын похоронен, как подобает, и что его могила не поросла сорной травой.

Прошу возвратить мне вещи моего сына.

С немецким приветом

Фрида Бегль.

Регенсбург. Винтервег, 83».

Итак, наивная обитательница Регенсбурга думала, что война в Польше кончилась. Она думала, что теперь в Польше тишь да гладь, божья благодать, — немцы вешают поляков и заедают виселицы краковской колбасой. Но вот ее сын неожиданно погиб: его, наверно, подстрелил поляк. И в Регенсбурге из окаменевших глаз горе выжало слезы. Фрида Бегль не плакала, когда немцы убивали десятки тысяч поляков, когда они издевались над польскими женщинами, когда они мучали польских детей. Теперь она плачет. Вместе с ней плачут и другие немки. Плачьте, сударыни, — война в Польше не кончилась. Война в Польше начинается, — вторая народная война. В польских лесах живут мстители. В польских городах гнев разряжает револьверы.

Война не кончилась и во Франции. Вчера три немецких офицера на узких улицах старого Парижа ответили своей кровью за позор Компьена. Это не первые и не последние. Каждый день французы выходят на охоту: бьют насильников. Нужно много немецкой крови, чтобы очистить французскую

землю. Близок день, когда из рек выплывут зарытые пулеметы. Не в розницу — оштом будут бить тогда немцев французы. Вспомнив слова марсельезы, они «напоят нечистой кровью борозды земли». Госпожа Мюллер, ваш сын еще пьет шампанское в кабаках Парижа? Готовьте траур, сударыня: скоро вы узнаете, что он погиб «смертью героя». Вы предупреждены, незачем будет беспокоить «многоуважаемого господина командира», — война во Франции не кончилась.

Война не кончилась и в Норвегии. На Лофотенских островах отважные рыбаки в темные зимние ночи истребляют немцев. Недавно в городке Свольвере «исчезли» четыре немца. Море выкинуло один труп. Фрау Шурке, ваш первенец еще пьет «аквавиту» в Осло? Запаситесь носовыми платочками и не мечтайте о могиле с цветами. Немцы умеют мучить людей, и люди ненавидят даже мертвых немцев. Их не хоронят, их закапывают. А в Норвегии — рядом море, незачем утруждать руки.

Война не кончилась и в Греции. В Пирее греки взорвали склад с горючим. Погибло восемнадцать немцев. Наверно, в Дрездене немки думали, что достаточно повесить грязную тряпку над Акрополем, и Греция будет усмирена. Нет, Греция воюет. Фрау Шуллер, ваш любимец пьет в Афинах мускат? Не сомневайтесь: немцы его похоронят с почестями. А гречанка, у которой немцы убили детей, плюнет на могилу вашего сына.

Может быть, немки думали, что война кончилась в Югославии? Может быть, узнав, что Белград сожжен, они мечтали: хоть бы моего сына послали в Югославию! Но в Югославии идет великая война. Сербский патриот Михайлович уже освободил от насильников четверть страны. Тысячи немцев перебиты отважными партизанами. Фрау Данкеман, вы говорите завистливым соседкам: «Мой не в России. Нет, слава богу, мой в Югославии, а там война давно кончилась». Вы думаете, что он пьет далматинское вино. А он лежит с раскрытым ртом на горном перевале. У него карманы полны — здесь и брюссельское кружево и сербское сало. Но никто не перешлет вам этих «трофеев». Плачьте, сударыня, вдвойне.

Война не кончилась в захваченных Гитлером странах. Война продолжается. Она кончится только тогда, когда последний насильник упадет, обливаясь кровью. Война материка. Война от океана до океана. Единый фронт от Бискайского залива до Ледовитого океана, от Азовского моря до Атлантики.

Война не кончилась ни в Минске, ни в Житомире, ни в Пскове. Немцы хотели сражаться на одном фронте. Им приходится сражаться на тысячах фронтов. Каждый дом становится

крепостью — рыбацкий дом в Бретани и украинская хата. Каждое дерево скрывает засаду — олива Греции и лапландская ель. Плачьте громче, немки! Вам не увидеть ваших сыновей. Вам не найти дорогих вам могил. Спросите Гитлера, что он сделал с вашими сыновьями. Он раскидал их кости по всему миру. Вы лопочете: «Неужели война еще не кончилась?» Нет, сударыни. Вы начали. Кончим мы.

Декабрь 1941

ЧЕРНАЯ ДУША

Почему Вальтер Дарре считается в Германии «специалистом по крестьянству»? Потому что Вальтер Дарре презирает крестьян. Он заявил: «Проблема сельского хозяйства — это проблема химических удобрений и племенного скота. А рабочие руки всегда найдутся».

Почему доктор Лей — «специалист по рабочим»? Потому что доктор Лей считает рабочих «простачками», — так он изволил выразиться. Доктор Лей закабалил рабочих Германии.

Почему гитлеровцы называют Альфреда Розенберга «специалистом по России»? Потому что Альфред Розенберг ненавидит Россию.

«Специалисты» у них палачи: один рубит головы рабочим, другой расстреливает крестьян, третий вешает русских.

Остзейские бароны набили руку на карательных экспедициях и на государственной измене: они либо усмиряли народные восстания, либо продавали Россию Германской империи. Альфред Розенберг не подвел своих предков: он и усмиритель и предатель.

Он родился в Ревеле. С детства говорил по-русски и думал по-немецки. Учился в Риге. Пел «Боже, царя храни», но при этом нетерпеливо поглядывал на запад: его царя звали тогда Вильгельмом. Во время войны он неожиданно выехал за границу. Приятель Розенберга Гиммлер считает, что Розенберг тогда занимался шпионажем. Вернувшись в Россию, Розенберг решил закончить образование. Он мирно сдавал зачеты. Рижский техникум перевели в Москву. В 1918 году молодой, но приткый Альфред ходил по темным московским улицам и жадно ел паечный хлеб. Он мечтал, что немцы придут в Москву. Но гора не пришла к Магомету. Розенберг отправился в Германию, и в 1919 году беглый балтийский барон Розенберг встретился в Мюнхене с мелким шпиоком Гитлером. Адольф понял Альфреда, Альфред понял Адольфа.

Учителем в те годы был Альфред Розенберг: Розенберг изложил перед восхищенным Гитлером все «теории» старых русских черносотенцев. Гитлер пробовал лопотать: «Людендорф предлагает...» Розенберг его прерывал: «Людендорф — ерунда! В России был жандармский полковник Зубатов — вот это философ! Нужно организовать союзы рабочих с помощью полиции. Объявить, что правительство стоит над классовой борьбой. Фабриканты будут счастливы. А рабочие не посмеют бунтовать. Мало усмирять, надо обманывать. Зубатов был умницей... Мы должны внушать презрение к русским. Мы должны говорить, что немцы — первый народ в мире».

С того дня Альфред Розенберг стал «специалистом по России». Он занялся одним: он поносил русский народ. Вот несколько отзывов Розенберга о русских:

«Только варяги, то есть немцы, смогли преодолеть дикий хаос русской степи... Русские не способны к творчеству. Это — подражатели. Они органически ниже любого дикого народа».

«В России можно проверить правильность расовой теории — существование России представляет смертельную опасность для северной, то есть германской расы».

«Русский народ не способен возвыситься до понятия чести. Он способен только на бескровную любовь».

«Необходимо обуздать народ, отравленный Толстым».

Розенберг не только говорил, он и действовал. Он посылал диверсантов в Россию, печатал фальшивые червонцы, устраивал взрывы, убийства.

Гитлер сделал его негласным министром иностранных дел: Розенберг стоял во главе всей подрывной работы гитлеровцев за границей. Он содержал заговорщиков в Эльзасе, подготовку мятежи судетов, наставлял румынских «легионеров». Одновременно он писал книжки с громкими названиями: «Борьба духовных ценностей» или «Грядущая империя». Этот погромщик из Ревеля считался первым философом оболваненной Германии.

«Поход на Восток» — вот как Розенберг определил свою программу. Он писал: «Надо загнать русских в Азию». В мечтах он уже торговал бакинской нефтью и украинской пшеницей. Он говорил: «Мы начнем с освобождения Украины», — «освободить» на их языке это значит прикарманить.

Он числился также педагогом: он воспитывал гитлеровскую молодежь. Он приучал будущих эсэсовцев к насилиям и грабежу. Он говорил: «Женщины любят только жестоких». Он выдвигал вперед самых тупых и самых бессовестных. Он пояснял: «Необходимо, чтобы один приказывал и чтобы все ему повиновались».

Началась вторая мировая война. Из Риги, из Таллина в Берлин приехали друзья, родственники и клиенты Розенберга. Он их дружески принял: «Погодите. Скоро справедливость восторжествует. Слова варяги поплывут на Восток...»

Он любит изысканно выражаться: он хочет показать гитлеровским боснякам, что он, Альфред Розенберг — человек с высшим образованием. Он не маляр, он — барон. В начале войны он возвышенно провозгласил: «Эта война прикончит всех англичан».

Когда французские капитулянты сдали немцам Париж, Альфред Розенберг впал в восторг. Этот человек обожает унижать. В частной жизни он унижает женщин и прислугу. Ему этого мало. Он жаждет унижить народы. Он приехал в Париж. Он вошел в здание французского парламента, поднялся на трибуну и горделиво сказал: «Мы выкинем идеи французских просветителей в мусорный ящик». Месяц спустя, я увидел Альфреда Розенберга в Брюсселе. Он устроил парад эсэсовцев на площади Конституции: он старался даже в деталях унижить побежденных. Он мечтал поехать в завоеванный Лондон, войти в здание английского парламента и крикнуть: «Ваша хартия свободы пойдет на растопку». Но в Лондон он не попал...

Теперь барон Альфред Розенберг дожил до желанного часа: Адольф Гитлер назначил его «министром Восточных областей», — ему вручены захваченные гитлеровцами советские области. Барончику сорок восемь лет. Он еще полон прыти. Он видит себя Альфредом первым, российским кайзером.

На своем новом посту Альфред Розенберг принял уже три решения:

1. Собственность колхозов объявляется собственностью германского государства.

2. «Министерство» Розенберга будет помещаться в здании советского посольства. Розенбергу понравился старинный особняк на Унтер ден Линден. Этот дом издавна был посольством России. Розенберг развлекается: он хочет в доме, где защищали Россию, над Россией измываться.

3. На почтовых марках «для бывшей России» будет напечатано изображение Гитлера с немецкой надписью «Остланд» — «восточная провинция».

Остзейский барон мстит русским. За что? За то, что он ел русский хлеб? За то, что русский народ велик? Кто поймет черную душу этого проходимца... Наверно, он поедет в Ясную Поляну и будет там глумиться над могилой Льва Толстого.

Мы теперь знаем, какая судьба ждет нас, если Гитлер побе-

дит. Россия станет «восточной провинцией». Грабить, вешать, пытаться будет ничтожный немчик по имени Альфред.

Нет, этому не бывать! Альфред Розенберг забыл русскую историю, хотя когда-то он ее учил. Розенберг думает, что мы способны только на «бескровную любовь». Он узнает скоро, что такое кровавая русская ненависть.

Декабрь 1941

ЖИВЫЕ ТЕНИ

Телеграмма из Парижа сообщает: «Германские оккупационные власти решили снести памятники Вольтеру и Жан-Жаку Руссо. Металл будет использован для нужд военного ведомства».

У немчуры хозяйственный глаз и длинные руки. Кастрюля! Тащи кастрюлю! Дверная ручка? Живо отвинчивай! Памятник? Давай памятник!

Вольтер стоял на набережной Сены. Он глядел на букинистов, на старые, очень старые книги. Он глядел также на веселых парижских детей. Это была замечательная статуя, и это была душа Франции: ее благородная ирония, ее разум, ее любовь к свету. Теперь по набережной Сены бродят тупые ефрейторы. Их раздражала улыбка старого француза — бронзовая, но живая.

Руссо и Вольтер зажгли в сердце Франции любовь к свободе. Их книги были фундаментом величественного здания, именуемого Французской революцией. После Руссо стала постыдной несправедливость. После Вольтера стало позорным изувечество. Теперь, когда Францию захватили люди, для которых справедливость — пустой звук, для которых просвещение — враг, нет места в Париже для Руссо и Вольтера. Может быть на освободившиеся пьедесталы немцы поставят другие статуи — из гипса: вместо Руссо мясник Гиммлер, вместо Вольтера колченогий Геббельс.

Мы знали, что гитлеровцы ненавидят будущее. Они хотят остановить ход истории. Они беспощадно истребляют дерзкую мысль. Они травят изобретателей и поэтов. Они ненавидят настоящее. Европа жила большой, сложной жизнью. Люди работали, боролись, любили, мечтали. Гитлеровцы обратили Европу в концлагерь, в пустыню, в кладбище. Они ненавидят прошлое. Это — беспризорники истории. У них нет предков. На кого они могут сослаться, кого помянуть? Даже колдуны-алхимики высмеют Геббельса. Только древние германцы, варвары и звериных шкурах, приносившие кровавые жертвы богу Вотану

с удовлетворением посмотрят на зверства тирольского шпика. Они воюют с памятниками. В Кракове они снесли статую Шопена. В Париже статуи Вольтера и Руссо. У нас они стреляли в портреты Пушкина. Но тени прошлого живы. Их не расплавить, не застрелить. В городах истерзанной Польши по ночам бродит тень Шопена. В тишине слышатся вечные мелодии, и поляки говорят друг другу: «Жива красота. Жива Польша». По улицам темного Парижа ночью ступает Руссо. Он заходит в печальные дома. Он повторяет старые слова о совести, о счастье. В ставни стучится Вольтер. Старик пришел, чтобы приободрить французов. Он говорит о глупости тиранов, о неизбежной победе разума.

В Москве на Тверском бульваре стоит Александр Сергеевич Пушкин, и зима снова серебрит его юную голову. Защитники Москвы охраняют не только сон живых москвичей. Они охраняют и статую великого поэта. И в напряженной тишине, между двумя атаками, московские переулки обходят крылатые слова:

«... что в мой жестокий век прославил
я свободу...»

Свобода, тебя не снести!

Декабрь 1941

СМЕРТЬ ПРЕДАТЕЛЯМ!

Захватывая русские города, немцы прежде всего воздвигали виселицы: это их насаждения вместо вырубленных парков. Потом они принимались за «культурную деятельность»: приступали к изданию газет. Подлая немецкая ложь спешно переводилась на плохой русский язык. В городе Сталино газетку «Донецкий вестник» редактирует балтийский немчик, а в Калуге газетка «Новый путь» выходила под редакцией румынского сутенера Бузескула. Вслед за изданием газет немцы обращались к промышленности и торговле.

В Днепропетровске они заявили: «Мы надеемся пустить заводы на полный ход к весне 1943 года». Заводы стоят: машины эвакуированы, сырья нет. К весне 1943 года жители Днепропетровска забудут окаянные месяцы немецкого ига. Разговоры о пуске заводов — литература. Но нужно все же восстановить частную промышленность и торговлю.

Начинают они с промышленности. В городе Сталино два проходимца «господа Сергиенко и Захаров» (так они именуются

в местном листке) открыли «производство фруктовых и газдовых вод». Есть в городе нечего, но два жулика разливают по бутылкам воду, подсыпают туда порошок и — да здравствует частная промышленность!

Торговля? Конечно! Торговать, правда, нечем. Но можно вытащить из домов мебель и открыть мебельные магазины. В Калуге, когда там хозяйничали гитлеровцы, немец Дринкер открыл на Кутузовской улице шикарный магазин: продавал краденые тюфяки, вывернутые лампочки, брошенные кресла. Покупателей не было, но Дринкера комендант важно называл «уважаемым коммерсантом».

Для газет, для виселиц, для газовых вод и лавок с краденым добром немцам нужны люди. Нашлось в нашей необъятной стране несколько тысяч предателей. Они стали «бургомистрами», «старостами», доносчиками и тюремщиками. Человек утром торгует ананасной водой, а вечером вешает, утром он пишет статейки для немецкой газеты, вечером строчит доносы.

Когда Красная Армия подходит к захваченному немцами городу, радуются тысячи пленников, смеются русские дети, и русские женщины благословляют освободителей. А предатели в ужасе мечутся, они залезают в немецкие грузовики, они ищут спасения в немецких прихожих, они молят: «возьмите нас с собой».

Иуды не уйдут от смерти. Напрасно они кинутся в леса. Русские леса прячут партизан. Русские леса выдают предателей. На осину искарриота! — кричит русская земля. Презренный, ты — русский, ты говорил на нашем языке, ты звал свою мать русским словом «мама», ты ел русский хлеб и ты продался немцам. Нет для тебя чересчур сурового суда. На тебя показывают пальцем повешенные. За тобой гонятся мертвые. Твоей смерти требуют сожженные города.

Чем выше и благородней народ, чем ярче его единство, его мужество, тем чернее душа предателей. Во имя верности, во имя чести — смерть наемникам палачей!

Декабрь 1941

НЕМЕЦКОЕ РОЖДЕСТВО

Под елкой, занесенный снегом, лежал немецкий солдат. Его белые мертвые глаза глядели на запад. В его кармане нашли письмо из Вернигероде: «Дорогой Вилли. Скоро наше немецкое рождество. Мы встретим его без тебя. Я и Марта, мы

надеемся, что ты не забудешь нас и пришлешь нам подарочки из России на елку».

Вот и пришло их немецкое рождество. Черно в Вернигероде, над городом горы Гарца, над городом Брокен и кажется, что там ведьмы справляют свой шабаш. Нет, это ветер воет в трубе. Марта и Анни стоят перед пустой елочкой. Три огарка и прошлогодняя потускневшая звездочка. Вот и дед-Мороз, он, наверно, принес подарки. На нем кепи почтальона, что он вытаскивает из сумки? меховую шапку, русский окорок, чулочки для Анни? Нет, это конверт. «Ваш муж погиб смертью героя на Восточном фронте».

Повесьте казенную бумагу на елку под тусклой звездой вашего фюрера. Ветчины не будет, чулочков не будет. Далеко от вас, где-то под Тулой, метель заносит труп вашего Вилли. У почтальона много повесток. Он стучится из дома в дом, этот дед-Мороз никого не обойдет, он не забудет ни Гильду, ни Эмму, ни Фриду.

Вот ваше немецкое рождество! Вы думали его справлять иначе, вы думали среди мертвой Европы зажечь веселые елки, вы думали танцевать на великом кладбище немецкий канкан, вы думали, пьяные шнапсом и кровью, петь «Мир на земле». Ваш мир — мир волков, ваше рождество — рождество Ирода.

Мы не хотим смеяться над слезами Марты или Анни, но мы видим эти строчки, эти аккуратные готические палочки. «Пришли нам подарочки из России». Мы видим жадную слюнявую морду немецкой гиены. Мы коротко скажем: «Сударыня, вы дождалась подарков, вы получили по заслугам, плачьте, если слезы могут обелить вашу черную совесть».

Мы были мирным народом. Лев Толстой в оскверненной вами Ясной Поляне думал об одном — о мире. В темную октябрьскую ночь, когда народы молчали по горло в крови, рабочие Петрограда, прокричали: «Миру мир». Мы не хотели чужого добра, мы не зарились на чужое счастье, мы привели пшеницу на север, и мы открыли каналы, как чудесные аорты. Мы любили книги и тепло братских рук. Вы приняли наше миролюбие за слабость, вы напали на нас, вы разбудили нашу ненависть, вы вырастили наш гнев. Теперь для нас вы не люди, нет у нас для вас ни жалости, ни снисхождения, у нас для вас железо и елки. Под нашими елками вы уснете непробудным сном.

Горите, три огарка, на елочке в Вернигероде! Плачьте, немецкие женщины! Ваше рождество станет постом, постом без конца. А не хотите плакать — пляшите, шуты и шутихи, дуйте в дудочки, благодарите фюрера за немецкое рождество!

Вы говорите о весне? Весной тают снега, весной вы услышите запах мертвечины. Весной придет в Вернигероде барабанщик Ганс, и он сыграет вам гитлеровский марш. Он будет пристукивать деревяшками, барабанщик мертвой Германии.

Декабрь 1941

ВЕСНА В ЯНВАРЕ

Сначала я считал брошенные немцами машины, потом запутался. Их были сотни. Нагло и жалко глядели на восток морды пушек. Как пойманные слоны, послушно плелись немецкие танки. Я вспомнил слова берлинской сводки: «Мы добровольно укоротили фронт...» Чудаки, они укорачивают костюм вместе с мясом. «Укорачивают» и мимоходом теряют танки.

Вначале видишь индивидуальные кресты с тщательно нарисованной свастикой, с затейливыми надписями. Этим хоронили еще на досуге. Их зарывали на площадях городов, в скверах, в деревнях возле школы или больницы. Немцы хотели, чтобы даже их мертвые тревожили сон наших детей. Мы проехали двадцать — тридцать километров. Пошли простые березовые кресты. Этим хоронили второпях и оптом: «Здесь погребен лейтенант Эрих Шредер и 11 солдат». За Малоярославцем нет и крестов. Этим не похоронили. Они валяются возле дороги. Из-под снега торчит то рука, то голова. Замерзший немец стоит у березы, рука поднята, — кажется, что мертвый, он еще хочет кого-то убить. А рядом лежит другой, заслонил рукой лицо. Не сосчитать...

На березовом кресте рука русского написала: «Шли в Москву, попали в могилу».

Дух наступления, как ветер, несет вперед наши части. Бойцы идут по целине, а снега-то, снега!.. Ничто их не останавливает. Позавчера была метель, снег слепил. Наступали. Вчера было солнце и тридцать градусов мороза, дух захватывало. Наступали.

Я разговорился с одним бойцом. Он чуть прихрамывал. Оказалось, что три дня тому назад осколок мины его ранил в колено. Хотели отослать в госпиталь. Боец запротестовал: «Не пойду! С июня я отходил. А теперь, чтобы без меня?..» Мороз его веселил. Он только находил, что мороз «легонький», «покрепчал бы, как у нас», — это сибиряк.

Переменилась наша армия. Выросла не только материальная часть, выросли и люди. Бойцы возмужали, будто они прожили за полгода длинную жизнь. Но глаза остались молодыми: в

них молодой гнев и молодая надежда. Обогатился опыт каждого. Боец, колхозник из Заволжья, говорит: «Я теперь это дело раскусил — как фрицев бить». И смеется генерал Голубев: «Я две военных академии прошел. Война — третья и самая главная»...

Немцы упорно обороняют узлы сопротивления. Они хотят измотать нас. Но мы не расшибаем голову об стену: мы обходим узлы сопротивления. Немцы много месяцев говорили о мешках, обхватах, клиньях, клещах. Теперь они барахтаются в нашем мешке, они задыхаются в наших обхватах, они корчатся, пронзенные нашими клиньями, и они умирают, сдавленные нашими клещами.

В яркий, ослепительный день января на дороге наступления я думаю о пионерах победы. Победу мы начали строить не 6 декабря, но 22 июня. Победу строили герои, не пропускавшие немцев, истреблявшие еще свежие германские дивизии, взрывавшие мосты, выходявшие из вражеского окружения, пережившие горечь отступления, позволившие нашей стране выковать новое оружие и поднять на ноги новые части.

На фронте чувствуешь, какой любовью окружена Красная Армия, — для нее работает и дышит огромная страна. Если много у нас стало автоматов, это значит, что ночи не спят рабочие Урала. Если ест боец жирные щи, это значит сибирские колхозницы помнят о фронте. «Мало у нас было минометов, теперь хорошо»... Откуда эти минометы? Завод, что в ста километрах отсюда, давно эвакуировали. Но остались старики-пенсионеры, остались устаревшие станки, осталось немного сырья. Остальное сделали русская смекалка и русская преданность. Хорошие минометы. Старые рабочие маленького русского городка могут спокойно спать. А vareжки чудесные у курного, веселого минометчика. Vareжки связала какая-то Маша в городе Аткарске, прислала к празднику. Фамилии своей не написала — «Маша» и все. Может теперь спокойно спать русская девушка Маша.

Ведут пленных. Лейтенант, ефрейтор, солдаты. Дрожат, хнычут. У одного левая нога в кожаном башмаке, — правая в эрзац-валенке. Оказывается, правую ногу он отморозил. Ефрейтор мне поясняет: «Легко отмороженные в госпитали не отсылаются». Да и не отошлешь — у половины немецких солдат ноги отморожены. На головах пилотки. Летом они их носили лихарски. Теперь стараются засунуть под пилотку уши. Из носу течет, он не вытирает лицо — рука замерзла. А когда привели в избу, все стали чесаться. Лейтенант пах одеколоном, вылил наверно на себя утром це-

лую бутылочку. Он приподнял вязанку, чтобы сподручнее было чесаться, и один из наших бойцов крикнул: «Ты погляди, — не вошь — медведь! Никогда я такой не видел»... Глядя на пленных бойцы с отвращением: «Эх, немчура»... «Вшивы фрицы»... Другой подхватил: «Паразиты»...

Ефрейтор был во Франции. Он вступил с передовыми немецкими частями в преданный Париж. Смешно подумать — может быть, я его видел в Париже? Изменился голубчик! Спас с них наши посбивали.

Вчера из лесу вышли четыре немца: волков выгнал мороз. От деревни осталась одна изба, — другие немцы сожгли. Немцы поскреблись в дверь. Старая колхозница сплюнула: «Кт жег? Ты. Немец. Иди на мороз, грейся»...

Дощечка осталась: «Село Покровское». А села нет. Сел сожгли немцы. Что видишь по дороге на запад? От изб остались трубы, да скворешники на деревьях. Отступая, немцы послали особые отряды «факельщиков» — жгли города и деревни.

Когда не успевали сжечь все, жгли самое хорошее. Жгли с вкусом. В Малоярославце эти культуртрегеры показали себе всю: сожгли две школы-десятилетки, детские ясли, больницу и городскую библиотеку с книгами.

Вот их трупы. А рядом бутылки из-под французского шампанского, норвежские консервы, болгарские папиросы. Страшно подумать, что эти жалкие люди — господа сегодняшней Европы... Часть «господ», впрочем, уже не будет пить шампанского: лежит в промерзшей земле.

В селе Белоусово остался нетронутым ужин. Бутылки они откупорили, а пригубить не успели. В селе Балабанов штабные офицеры спали. Выбежали в подштанниках — торжественно в шелковых французских кальсонах погибли от русского штыка.

Женщины, когда видят наших, плачут. Это — слезы радости, оттепель после страшной зимы. Два или три месяца они молчали. Сухими жесткими глазами глядели на немецких палачей. Боялись перекинуться коротким словом, жалобой вздохом. И вот отошло, прорвалось. И кажется в этот студеный день, что и впрямь на дворе весна, весна русского народа посередине русской зимы.

Страшны рассказы крестьян о черных неделях немецкого ига. Страшны не только зверства — страшен облик немца. «Показывает мне, что окурок в печку кидает, и задается: «Культур Kultur». А он, простите, при мне, при женщине, в избе опрачывался. Холодно, вот и не выходит»... «Грязные они. Ноги вымыл, утерся, а потом морду тем же полотенцем»... «Один

ест, а другой сидит за столом и вшей бьет. Глядеть противно»... «Он свое грязное белье в ведро положит. Я ему говорю — ведро чистое, а он смеется. Опоганили они нас»... «Все украли, паразиты! Детские вещи взяли. Даже трубу самоварную и ту унесли»... «Хвастали, что у них страна богатая. Нашел у моей сестры катушку ниток, а у меня кусок мыла.. Мыло не душистое, простое. Все равно, обрадовался, посылку сделал — домой подарок — мыло да нитки»... «Говорят мне: стирай наше белье, а мыла не дают, показывают — стирай кулаками»... «Не дашь ему сразу — ружье приставляет»...

«Опоганили нас» — хорошие слова. В них все возмущение нашего народа перед грязью не только телесной, но и душевной этих фрицев. Они слыли культурными. Теперь все увидели, что такое их «культура» — похабные открытки и пьянки. Они слыли чистоплотными — теперь все увидели вшивых с чесоткой, которые устраивали в чистой избе нужник. Прежде мир не знал, что такое гитлеровская Германия. Глухой стеной была окружена проклятая страна. На выставки за границу они посылали напомаженных и вежливых приказчиков. Ездил по столицам Европы гладенький Риббентроп. А теперь стена упала: в деревнях и городах России, освобожденных Красной Армией, можно изучить «культуру» и «чистоплотность» Германии.

Когда их выгоняют, в уцелевших избах три дня моют пол «шпательком, скребут, чистят. «Что дверь раскрыла, бабушка?» — спросил я. Старуха ответила: «Ихний дух выветриваю. Прокоптили дом, провоняли, проды»...

Крестьянка с хорошим русским лицом, с лицом Марфы-посадницы, рассказала мне: «Боялись они итти на фронт. Один плакал. Говорит мне: «Матка, помолись за меня» и на икону «кажет. Я и в правду помолилась: «Чтобы тебя окаянного убили».

Добрый был русский народ. Это всякий знает. Умел он жалеть, умел снисходить. Немцы совершили чудо: выжгли они из русского сердца жалость, родили смертную ненависть. Старики и те хотят одного: «Всех их перебить». Некоторые из них три месяца тому назад были слепыми и глухими. Один встретил наших с куренком, кланяется, говорит: «Дураков вы принимаете? Дурак я. Шли немцы, а я думал — мне что? А они внучку мою угнали. Так и не знаю, где она. Корову зарезали. С меня валенки сняли, видишь, в чем хожу. Курицу одну я от них упрятал. Как услышал, что уходят — затопил печь, старуха для вас зажарила. Спасибо, что пришли»... Стоит и плачет. А в душе у этого семидесятилетнего деда — та же ненависть, что у всех нас.

Дом старика не сожгли — не успели. Много домов спас красноармейцы от огня. За Малоярославцем наши наступали быстро, и немцы, откатываясь, не успевали выполнять приказ: все уничтожать. В одном селе «факельщики» уже выгнали всех из домов, а тут услышали пулеметную очередь и убежали. Деревня уцелела. В другом селе подожгли дом, потом показались наши лыжники, — немцы удрали. А пожар на погасили. Не только дома спасают бойцы — жизни. Я видел приговоренных к расстрелу, — их не успели расстрелять. Тащили девушку с собой, — испугались, бросили. Каждый красноармеец может написать своим: «Я спас от огня русский дом. В этом доме теперь живут русские. Будут расти дети. Вспомнят и про нас. Я спас от веревки русского человека. Его вели к виселице. Но мы подоспели». Не только родину спасает боец, он спасает еще такое-то село — Лукновку, или Петровское, или Выселки. Он спасает такого человека — пастуха Федю, лесничего Кривцова, учителя Марию Владимировну. И каждого бойца благословляет теперь в освобожденных домах спасенные люди.

По скрипучему снегу едут в санях крестьяне, торопятся скорей бы повидать свой дом. Еще недавно они шли на восток суровые и скорбные. Теперь, улыбаясь и жмурясь от ярко залитого солнцем снега, они идут на запад.

И их обгоняют бойцы. Эти тоже торопятся: выбить врага из Медыни. Этот город рядом. Его обошли. Его сжали. Завтра заплачут от радости люди и камни еще одного освобожденного города.

Пусть в Малоярославце люди радуются, — сегодня она начала работать электростанция, и в домах светло. Пусть в Боровске вставляют в рамы стекла, — люди наконец-то греются. Пусть в Ильинском колхозники выветривают и выбивают загаженные немцами дома. Все это позади. Красная Армия идет вперед, и она смотрит вперед. Она думает не о Малоярославце, не о Боровске. Она думает о Вязьме, о Смоленске. Перед ней люди, которых нужно спасти от смерти, — русские люди. И по пояс в снегу, не зная усталости, идут вперед бойцы России — бойцы Красной Армии.

Январь 1942

